

АРТЕМ САВЕНКОВ

ДОКТОР ИЗ НИОТКУДА

Арте́м Саве́нков

Доктор из ниоткуда

«Автор»

2026

Савенков А.

Доктор из ниоткуда / А. Савенков — «Автор», 2026

Молодой хирург Алексей уезжает из столицы в Глухово, надеясь начать жизнь заново. Здесь ему обещают дом и нужную людям работу. Дом оказывается холодной избой, работа — бесконечным дежурством, а благодарность слишком быстро сменяется правом требовать. Он лечит, встаёт среди ночи, старается стать своим. Но когда помощь нужна ему самому, село отводит глаза. Алексей решает уехать. Собирает вещи, считает деньги на дорогу, садится писать заявление. И в этот день к амбулатории привозят тяжелораненого человека — одного из тех, из-за кого он больше не может здесь оставаться. «Доктор из ниоткуда» — роман о цене доброты, человеческом достоинстве и поиске дома. О том, как остаться врачом, когда больше нет сил быть спасением для всех.

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Исход и ад	6
1. Разбитое зеркало	6
2. Дорога в Глухово	9
3. Ключ под ковриком	12
4. Одно окно	15
5. На час раньше	18
6. До приезда скорой	21
7. Плечо Геннадия	24
8. Ночь в Заречье	27
9. Любовь Романова	30
10. Свой доктор	33
11. Не записывайте	36
12. Машины у крыльца	39
13. Мальчик, который притих	42
14. Хорошая молва	45
15. Тридцать пять часов	47
16. Люди без очереди	49
17. Минута сна	51
18. Пол	54
19. Утро чужого лица	56
20. Хлеб	58
21. Железная вода	60
22. Половина ставки	62
23. Первая карта	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Артем Савенков

Доктор из ниоткуда

Артем Савенков
Доктор из ниоткуда
Роман

2026

Часть первая. Исход и ад

1. Разбитое зеркало

Когда председатель совета объявил результаты голосования, Алексей прежде всего заметил, что на его правом ботинке развязался шнурок. Слова, которых он ждал четыре года, продолжали звучать над столом, кто-то уже хлопал, а он думал: сейчас придётся вставать, нельзя наступить.

Он поднялся осторожно. Пожал руку научному руководителю, услышал, что работа состоялась, и ответил что-то подходящее. Лица сидящих в первом ряду выглядели добрыми и немного усталыми. Люди сделали то, ради чего пришли, и теперь им хотелось обедать.

В зал падал майский свет. На последнем подоконнике стоял пластиковый стакан с чайным пакетиком; нитка прилипла к стеклу, и за весь доклад Алексей несколько раз ловил себя на том, что смотрит именно на неё. Теперь всё закончилось. Можно было больше не держать в голове цифры, оговорки, фамилии исследователей, порядок слайдов. Он обнаружил, что без этого порядка в голове ничего не осталось.

— Не торопись уходить, — сказал Вершинин. — Надо посидеть. Заслужил.

Алексей кивнул. Вершинин стоял близко, пах табаком и тем хорошим мылом, которое бывает в чужих ухоженных квартирах. За последние годы он действительно помог Алексею: читал, ругал, однажды нашёл его в ординаторской после неудачного дежурства и молча принёс кофе. Благодарность была. Праздника не было.

У выхода несколько человек сделали общую фотографию. Алексей улыбнулся, когда попросили, и тут же перестал. В телефоне появились сообщения. Мать написала: «Папа бы гордился». Он смотрел на эти три слова, пока экран не погас. Потом набрал: «Всё прошло хорошо».

На лестнице догнал знакомый анестезиолог, хлопнул по плечу и сказал, что теперь пора начинать нормальную жизнь.

— А до сих пор что было?

— Подготовка, — засмеялся тот.

Алексей тоже засмеялся. Смех получился с запозданием.

Катя ждала возле гардероба. Сначала он увидел её пальто, потом руку на воротнике и только после — лицо. Пальто было прежнее, серое; у манжеты сохранялась маленькая зацепка. Он когда-то обещал купить ей другое и потом сердился, когда она об этом напоминала: будто ему нечем было заняться, кроме пальто. Теперь зацепка показалась такой важной, что он невольно замедлил шаг.

Рядом стоял мужчина. Высокий, в тёмной куртке, с зонтом в чехле. По полу от его ботинок тянулись влажные следы. На улице, оказывается, шёл дождь.

— Лёша. Поздравляю.

Катя поцеловала его в щёку. Осторожно, как целуют заболевшего родственника. Он успел ощутить запах её волос и отступил раньше, чем нужно.

Мужчина назвал себя Андреем. Алексей пожал ему руку слишком крепко, сразу заметил это и разжал пальцы.

— Я только на минуту, — сказала Катя. — Хотела лично.

— Ты была на защите?

— В конце. Мы задержались.

Слово «мы» прозвучало просто, без нажима. Алексей посмотрел на её руку. Кольца не было. Он не знал, почему решил проверить именно это; они расстались четыре месяца назад, и даже если бы кольцо появилось, у него не оставалось подходящего вопроса.

Андрей отошёл к двери, давая им поговорить. Сделал это так легко, без демонстративного великодушия, что Алексей почувствовал неприязнь. Ему было бы проще ненавидеть хвастуна.

— Как ты? — спросила Катя.

— Теперь кандидат наук.

Она улыбнулась. Он понял, что ответил грубо.

— Я знаю. Я очень рада.

— Спасибо.

Они помолчали. Из гардероба выдали женщине чужой плащ; та начала объяснять, что её был длиннее. В этой чужой мелкой неприятности оставалась возможность что-нибудь исправить.

— Ты похудел, — сказала Катя.

— Дежурства.

— Ты всегда говорил: дежурства.

Он хотел напомнить, сколько времени занимала диссертация. Что на деньги, которые она называла маленькими, они всё-таки жили. Что он не отдыхал и не искал себе ничего другого. Но каждое такое объяснение уже звучало на их кухне, иногда до двух ночи, и ни одно не прибилизало их друг к другу.

— Я, наверное, уеду, — сказал он.

Катя не спросила, из-за неё ли. Только уточнила:

— Куда?

— Пока не знаю.

Она опустила глаза. Ему показалось, что это жалость, хотя, возможно, она просто выбирала слова.

— Лёша, не принимай сейчас...

— Это по работе.

Он произнёс с такой поспешностью, что оба поняли обратное.

Кто-то позвал его сверху. Вершинин махал у перил: ждали за столом. Алексей кивнул ему и вдруг захотел, чтобы Катя предложила подняться вместе, хотя бы из вежливости. Она поправила шарф.

— Береги себя.

Андрей открыл дверь. Катя вышла, коротко подняв воротник. Чужая ладонь придержала зонт над её головой. Алексей остался возле гардероба, где женщина наконец получила свой плащ и недовольно проверяла карманы.

На общий обед он не пошёл. Написал Вершинину, что плохо себя чувствует. Ответ пришёл сразу: «Позвони вечером». Он не позвонил.

Дома на кухне висел маленький прямоугольник зеркала: раньше Катя смотрелась в него перед выходом. Алексей заметил, что угол отколот. Наверное, давно, но раньше он не видел. В отражении над его плечом темнела пустая полка, с которой Катя забрала чашки.

Он поставил чайник. Достал распечатку вакансий, которую коллега оставил в ординаторской. В ней было много незнакомых названий, обещаний и маленьких цифр. У одного села значилось отдельное жильё. Глухово. Хирург. Вакансия открыта давно.

Алексей прочитал строку несколько раз. Его привлекло даже не слово «дом», а возможность прийти вечером туда, где ни один предмет не будет помнить, как они ссорились.

Он набрал указанный номер. Было поздно, но ему ответили.

— Вы по объявлению? — спросил женский голос.

— Да.

— Стаж есть?

Он назвал стаж, специальность, место работы. О диссертации умолчал: впервые за день она показалась обстоятельством второстепенным.

— Нам очень нужен человек, — сказала женщина. — Я завтра соединю вас с заместителем.

Алексей записал время звонка. Рядом с номером само собой появилось: «Дом».

Чайник давно выключился. Он налил воды в Катину бывшую чашку, единственную, которую она оставила, потому что у ручки была трещина. Посидел над ней, потом пересел на пол и прислонился спиной к тёплой трубе. Наверху двигали мебель. На улице шумели машины, и всякий раз, когда шум стихал, ему слышалось, что в прихожей поворачивается ключ.

2. Дорога в Глухово

От районного автовокзала автобус отправился на семнадцать минут позже. Водитель курил возле открытой двери и ждал женщину, которую остальные называли просто Вале́й. Никто не возмущался. Алексей с сумкой на коленях смотрел на расписание за грязным стеклом и пытался определить, где кончается задержка и начинается местный порядок.

Валя появилась с двумя пакетами. Водитель забрал один, поставил возле своего сиденья и спросил, купила ли она то, за чем ездила.

— А зачем бы я тогда ехала?

— Ну, поговорить. Людей посмотреть.

В автобусе засмеялись. Валя села через проход от Алексея, прижала пакеты к ногам. В одном что-то звякнуло.

За последними домами дорога стала уже. Асфальт был сухим, а в канавах ещё стояла тёмная вода, на которой плавали ивовые серёжки. По обеим сторонам тянулись поля. Где прошёл трактор, земля лежала жирными, тяжёлыми пластами; в стороне от пашни желтела прошлогодняя трава. Кое-где из неё уже вышли свежие зелёные перья, но из автобуса их можно было заметить только при остановке.

Алексей не спал вторую ночь. Вчера прощался с отделением, складывал вещи в шкафчике, отвечал, что вернётся. Ему говорили, что съездить полезно, что в провинции бывает настоящее дело, что город никуда не денется. Вершинин обнял, потом отстранил и внимательно посмотрел.

«Смотри, чтобы ты туда не лечить самого себя поехал. Это плохая работа для пациентов».

Алексей тогда обиделся. Теперь возвращался к этим словам с раздражением, как возвращаются языком к больному зубу.

В столичной клинике у каждого предмета было место. Даже беспорядок там имел происхождение: кто оставил, почему, когда уберут. В инструментальной звякали лотки, в коридоре катили тележки, за стеклом операционной двигались люди, которых он узнавал по походке в одинаковой одежде. Можно было сказать: «Посмотри, пожалуйста», — и рядом оказывался человек, способный посмотреть.

В Глухове ему обещали оборудованный хирургический кабинет, перевязочную, фельдшера и связь с районом. Слово «оборудованный» он не уточнил. Теперь жалел.

— Надолго? — спросила Валя.

Он не сразу понял, что обращаются к нему.

— Пока по договору.

— В лесничество?

— В амбулаторию.

Она повернулась всем телом.

— Врач?

— Хирург.

С переднего сиденья оглянулся мужчина. Женщина возле окна поджала ноги, словно от этой новости в салоне стало теснее.

— Ну, слава богу, — сказала Валя. — А то у нас одна Нина Павловна на всё.

— Терапевта нет?

— Был.

Она ответила без продолжения. Алексей подождал, потом спросил, давно ли нет.

— Да уж давно, — сказала Валя. — Вы у нас где жить будете?

— Мне сказали, встретят.

— Семёныч?

Он назвал имя. Валя кивнула так, будто разговор закончился удовлетворительно.

Автобус остановился возле развилки. Водитель взял у женщины свёрток, передал мужчине на обочине. Мужчина достал деньги, водитель махнул рукой. Снова поехали.

На следующей остановке никто не вышел, но пожилая пассажирка попросила подождать: у неё застряла молния на сумке. Алексей хотел помочь, она отдёргнула сумку, потом разрешила. Внутри лежала коробка с отверстиями. Из коробки выглянул рыжеватый цыплёнок.

— Осторожнее, — сказала она, хотя он касался только молнии.

Он освободил ткань. Женщина поблагодарила и тут же прикрыла отверстие ладонью: из окна тянуло.

Слева показалась деревня. Три дома с новыми крышами, остальные серые, прижавшиеся к дороге. У ворот стоял мальчик в огромной куртке. Он держал за ошейник собаку, которая рвалась за автобусом. Над огородами поднимался дым; влажная древесина горела тяжело, стелилась по земле.

За деревней начинался длинный спуск. Внизу блеснула вода. Река оказалась меньше своего моста: под опорами текла узкая тёмная лента, берега были широкие, болотистые. В воде стоял столб без провода. На нём сидела ворона.

— Это уже наша? — спросил кто-то.

— А то чья.

Алексей поймал себя на том, что ждёт красивого вида. Ему хотелось увидеть что-нибудь, что оправдает дорогу. Вместо этого за окном появилось кладбище. Оградки шли по склону, некоторые завалились; над свежей могилой ярко зеленел искусственный венок. Возле ворот двое мужчин перекладывали мешки из одной машины в другую.

Он отвернулся.

В телефоне исчезла связь. Потом вернулась одним делением. Мать прислала: «Как доедешь, сразу». Он написал, что скоро. Сообщение повисло серыми часами.

— Здесь местами, — сказала Валя. — Вы потом возле администрации стойте, там ловит.

На пригорке автобус свернул с шоссе. Салон затрясся. Женщина с цыплятами подняла коробку на колени и держала так, будто в ней были яйца. Дорога шла между заборами. Один тянулся долго, из новых зелёных листов, с камерами на кирпичных столбах. За ним виднелся двухэтажный дом.

— Наш благодетель, — негромко сказала Валя.

Алексей решил, что она объясняет кому-то другому, и не спросил.

Автобус остановился у магазина. Двое мужчин посмотрели на него с крыльца. Один жевал семечку, не двигая челюстью; второй заслонил глаза от солнца. По стеклу пробежала тень ветки.

— Вам ещё одну, — сказала Валя.

Через минуту водитель затормозил возле низкого жёлтого здания. Перед ним росли две ели. Вход украшала выцветшая гирлянда, очевидно оставшаяся с зимы. Под табличкой администрации висело объявление о сборе документов на компенсацию за какой-то прошлогодний ущерб.

Алексей встал. Пока снимал сумку, автобус ждал; все молчали, и эта внезапная общая терпеливость заставила его торопиться.

— Ну, работайте, доктор, — сказала Валя.

Он поблагодарил. Спустился, поставил сумку на землю. Дверь закрылась с сухим вздохом.

Некоторое время он стоял, прислушиваясь. У магазина стучало железо. Где-то пилили доску. Водитель коротко посигналил человеку, которого Алексей не видел. Автобус ушёл за поворот, и оказалось, что дорога продолжается без него.

Телефон издал негромкий звук: сообщение матери отправилось. Алексей подумал, что следовало бы написать «приехал», но руки были заняты. Он поднял сумку и пошёл к администрации.

3. Ключ под ковриком

У Петра Семёныча в кабинете пахло бумагой, пылью и крепким чаем. На подоконнике рос лук в пластиковом контейнере. За столом сидела женщина в очках и громко объясняла кому-то по телефону, что принести справку и принести ту же справку с печатью — не одно и то же.

— Вы доктор? — спросила она, прикрыв трубку.

Алексей кивнул.

— Семёныч сейчас. Он за кладбищем, на трубе. Вы пока сядьте.

Он выбрал стул, поставил рядом сумку. Женщина продолжила разговор. В нём фигурировали район, бухгалтерия и родственник, который «всегда занят, когда нужно самому». Алексей смотрел на портрет в рамке и пытался не слушать.

Пётр Семёныч вошёл минут через десять. Невысокий, с сухим лицом и аккуратной седой бородкой. На рукаве куртки прилип репей. Он поздоровался так радостно, что Алексей на секунду почувствовал себя не приглашённым специалистом, а родственником, приехавшим выручать.

— Ну наконец-то. Доехали благополучно?

— Да.

— А я боюсь, дорога там. Хоть чаю налейте человеку.

Женщина уже доставала чашку. Алексей отказался, потом понял, что очень хочет пить, и согласился. Чай был сладкий, хотя сахара он не просил.

Председателем Петра Семёныча звали все. Должность давно называлась иначе, колхоз больше не существовал, но прежнее слово пережило и хозяйство, и несколько административных перемен. Сам Пётр Семёныч поправлял только в документах.

— Народ у нас хороший, — сказал он. — Непростой, конечно. А где простой?

Алексей поставил чашку.

— Мне бы сначала жильё посмотреть. И амбулаторию.

— Жильё рядом. Сейчас пройдемся. Нина Павловна завтра с утра всё покажет. Она там хозяйка.

— Заведующая?

— Фельдшер. Заведующая в районе.

Алексей хотел уточнить, но Пётр Семёныч уже подхватил его сумку. Донёс до двери, там выяснилось, что она тяжелее, чем показалось, и вернул с извиняющейся улыбкой.

На улице было тепло. Земля возле стен успела просохнуть и треснула мелкими многоугольниками. От водостока тянулась ещё мокрая полоса. У калитки администрации росли нарциссы, наклонённые в одну сторону.

— Вы с семьёй? — спросил председатель.

— Один.

— Пока?

— Один.

Пётр Семёныч кивнул и больше не спрашивал.

Они прошли мимо магазина. Из двери вышел мужчина в чистой стёганой куртке, увидел председателя, остановился. Пётр Семёныч заметно выпрямился.

— Алексей Андреевич, наш новый доктор.

Мужчина протянул руку, не вполне сняв перчатку.

— Хорошее дело. Докторов нам давно пора. Николай Круглов.

Рукопожатие было коротким. Круглов посмотрел на сумку.

— С концами?

— Работать приехал.

— Ну и правильно. Тут народ отзывчивый. Как к нему, так и он.

Пётр Семёныч засмеялся, хотя шутки не было. Круглов пошёл к машине. Новая чёрная машина стояла наискось, перекрывая часть прохода; женщина с ведром обходила её по грязи.

За магазином дорога стала тише. На заборе сох ковёр. Его нижний край был вытерт до основы, а в середине ещё различались красные цветы. Под ковром сидела кошка и тщательно облизывала грудь.

Дом находился в последнем проулке. Пётр Семёныч издали показал рукой, как показывают человеку вещь, которую заранее просили не оценивать строго.

Сруб потемнел. Между брёвнами местами выступал серый мох. На крыльце одна доска поднялась ребром; председатель машинально наступил на неё, прежде чем пропустить Алексея. Под водостоком выросла тонкая рябина.

— Временное жильё, — сказал он. — Потом вопрос решим. Тут документы есть, но старые.

Ключ лежал под резиновым ковриком. Коврик прилип к доскам. Пётр Семёныч поддел край ботинком и поднял маленький ключ с проволочным кольцом.

— У нас спокойно.

В замок он попал не сразу. Дверь открылась внутрь с таким звуком, будто от стены отрывали широкую мокрую тряпку.

Алексей вошёл. Пахло сырым деревом, старой одеждой и мышами. Занавеска на окне шевельнулась, хотя сквозняка он не почувствовал. В углу стояла кровать с продавленной сеткой. На столе — пустая банка, два стакана, пепельница из крышки.

— Тут хозяйка умерла, — объяснил председатель. — Всё вывезли. Остальное можете убрать.

— Давно?

— Что давно?

— Умерла.

Пётр Семёныч провёл ладонью по столу и посмотрел на пыль.

— Года три. Я точнее подниму.

На кухне был умывальник, маленькая плита, печь. Алексей щёлкнул выключателем. Лампочка не загорелась.

— Электрик посмотрит, — быстро сказал председатель. — Там ничего сложного.

— А вода?

— Колонка на улице. Хорошая вода. Все берут.

Он говорил всё бодрее. Словно с каждым недостатком в доме ему приходилось увеличивать собственную жизнерадостность.

В чулане нашлись полки с наклеенными полосками бумаги. На одной было выведено: «Чистое», на другой — «Для дачи». Дачи у хозяйки, вероятно, не было; может быть, так она называла огород. Алексей коснулся края полки. Там, где много лет стояли сложенные вещи, древесина сохранила светлый прямоугольник.

— Родные забирали? — спросил он.

— Соседка помогла разобрать, — ответил председатель. — Что хорошее, в район отвезли. Нуждающимся.

Алексей не стал спрашивать, кто определял хорошее. Пётр Семёныч уже прикрыл дверь чулана.

Алексей подошёл к раковине. Из слива торчала сухая былинка. Под раковиной лежал детский ботинок без шнурка, такой маленький, что непонятно было, зачем его оставили.

— Жить можно? — спросил он.

Председатель посмотрел на него почти с испугом.

— Жили же.

Они вернулись в прихожую. Пётр Семёныч назвал телефон электрика, время открытия магазина, показал, где поворачивать к амбулатории. Каждый ответ был полезен и ничего не исправлял.

Перед уходом он задержался у двери.

— Вы не смотрите, что с первого раза так. Обживаетесь. Молодой человек, руки есть.

Алексей кивнул. Ему хотелось, чтобы председатель ушёл. Ещё сильнее хотелось попросить его остаться хотя бы на пять минут.

Калитка скрипнула. Шаги отдалились. Дом стал слышен целиком: где-то тикало, капало, шуршало под полом. Алексей положил ключ на стол и не сразу разжал пальцы на ремне сумки.

Потом вернулся на крыльцо, поднял коврик и вытряхнул из него песок. Под доской темнел гвоздь. Он нашёл в сарае молоток, вбил гвоздь и снова вошёл. Маленькая работа дала право ещё ненадолго не думать о большой ошибке.

4. Одно окно

До вечера он занимался вещами. Это позволяло не называть происходящее жизнью.

Сначала вымыл кухонный стол. Вода сразу стала серой, на тряпке осталось что-то жирное, пахнущее старым табаком. Он вылил таз под забор, принёс ещё ведро из колонки. Дужка резала пальцы. У колонки пришлось пропустить женщину с двумя большими вёдрами: она подошла после него, но так решительно поставила их под кран, что Алексей растерялся. Женщина набрала воду, спросила, не новый ли он доктор, и пожелала успехов.

Успехи в первый день состояли в том, что удалось найти чистую кастрюлю и открыть форточку. Фрамуга застряла; Алексей давил на неё плечом, опасаясь разбить стекло. В щель посыпались сухие мухи. Он смёл их в совок и долго смотрел на пыльный комочек: в городской квартире такие количества смерти оставались незаметными.

В магазине купил хлеб, яйца, сыр и спички. Продавщица пересчитала деньги два раза. На вопрос о баллоне к плите сказала, что этим занимается «мужик с синим прицепом». Как зовут мужика, она не помнила или не хотела говорить.

Когда Алексей вернулся, в доме стало холоднее. Солнце ушло с этой стороны. В углу на обоях выступил тёмный узор, похожий на плохо напечатанную карту. Он отодвинул кровать от стены и услышал под полом быстрый сухой шорох.

— Ну здравствуйте, — сказал вслух.

В собственном голосе было столько ненужной бодрости, что он замолчал.

К вечеру появились дела, с которыми нельзя было разобраться сразу. Печь не удавалось растопить: дым пошёл в комнату. Он открыл дверь, вынес стул на крыльцо и сидел там, пока изба проветривалась. За огородами гудел трактор. Возле соседнего дома женщина шлёпала мокрый половик о забор, всякий раз выпрямляясь с усилием. Через несколько дворов плакал ребёнок, затем кто-то начал его уговаривать сердитым голосом.

Глухово входило в вечер. За заборами стирали, готовили ужин, чинили, договаривались о завтрашнем дне. Никто не знал, что новый врач сидит на крыльце и боится войти в собственный дом.

Он поужинал на кухне. Сыр нагрелся в сумке и стал мягким. Хлеб крошился. Алексей разложил на столе дипломы, переложил в папку и спрятал обратно. Доставать их здесь было всё равно что предъявлять хорошую характеристику дождю.

В дальней комнате висела плотная занавеска. До сих пор он не открывал её: казалось, там будет тот же забор, мокрый огород и чужое окно. Перекладина держалась на одном гвозде. Алексей приподнял ткань, она оторвалась вместе с тонкой струйкой пыли.

За окном было поле.

Он сразу подошёл ближе. От дома склон уходил к полосе ив; за ними угадывался ручей, а дальше земля снова поднималась к лесу. В молодой зелени ещё виднелась чёрная почва. По меже стояла прошлогодняя сухая трава, и низкое солнце просвечивало её насквозь, превращая каждую былинку в отдельную тонкую вещь.

Небо над лесом было светлым, почти бесцветным. Одно большое облако оставалось тёмным сверху и белым у нижнего края. Алексей смотрел, как в нём медленно исчезает складка, затем перестал различать, исчезла ли она на самом деле или только сместилась вместе с его взглядом.

Он принёс стул. Сел, положил ладони на колени. В стекле отражалось его лицо, но, если чуть наклониться, отражение пропадало, и оставалась земля, которой не нужно было знать, зачем он приехал.

В институте он привык сравнивать. Кто раньше защитился, кто получил ставку, кому доверили сложную операцию. Даже у чужой удачи он искал дату и размер, чтобы понять своё

положение. Здесь сравнить было не с чем. Лес не выглядел успешнее поля. Вода в канаве не нуждалась в продвижении.

Он закрыл глаза. Сразу увидел Катю у гардероба. Открыл — перед ним снова лежал склон, и от этого стало легче, хотя ненадолго.

Ночью дом проснулся. Затрещала балка. Под полом что-то перекатилось, остановилось, побежало снова. Один раз Алексей встал с фонариком, осмотрел порог и заглянул за печь. Там лежала косточка от сливы, слипшаяся с пылью. Мышь показываться не стала.

Телефон поймал связь у самого окна. Мать позвонила первой.

— Ну как там?

Он хотел сказать: ужасно. Представил, как она сидит на своей кухне, прижав трубку плечом, как начнёт предлагать приехать или перевести деньги. Он не имел сил принимать её тревогу вместе со своей.

— Пока обустройстваюсь.

— Дом тёплый?

— Будет.

— Это как?

— Печь надо научиться топить. Завтра спрошу.

Она помолчала.

— Лёша, ты не обязан оставаться, если не подходит.

Он почувствовал злость. В этих словах ему слышалась возможность неудачи, которую мать считала реальной.

— Я только приехал.

— Я понимаю.

— Тогда зачем сразу?

Она сказала, что не сразу, просто он далеко. Они попрощались не поссорившись, но хуже, чем могли. Алексей положил телефон экраном вниз.

В темноте поле исчезло. Окно стало зеркалом. Теперь в нём сидел он сам, и отодвинуться так, чтобы не видеть, было невозможно. Он выключил фонарик.

Постепенно из черноты выступило небо. Где-то за лесом прояснилось, появилась полоска лунного света. На меже побелели травы. Вода возле ив отразила свет неровным коротким штрихом.

Алексей вспомнил, как отец учил его слушать ветер. Не называть направление, не определять погоду, а просто слышать. Ему тогда было девять; он скучал и хотел домой, к телевизору. Отец сказал: «Ты всё время ждёшь чего-нибудь поважнее». Алексей обиделся, а к вечеру забыл. Теперь слова вернулись с голосом, настолько точным, что пришлось сжать зубы.

Отец умер утром. Не так, как умирают в историях, приготовив слова: ночью ещё спрашивал, не потеряет ли сын практику из-за поездки, а утром Алексей приехал и застал на тумбочке чужую чистую чашку. С тех пор ему всегда казалось, что он опоздал не на несколько часов, а в какую-то важную часть жизни, где можно было что-нибудь изменить.

Он знал, что это неправда. Медицинское знание не помогало: стоило закрыть глаза, и снова виделась чашка. Не лицо отца, не рука, а ненужная, уже вымытая вещь.

В Глухово он привёз его старый нож. Достал из сумки, положил рядом. На деревянной рукояти сохранилась тёмная вмятина, которую он когда-то оставил, забивая ножом гвоздь. Отец не ругался, только объяснил, что у вещей есть предел терпения, даже если они не умеют жаловаться.

Алексей подержал нож, закрыл. Понял, что за весь день ни разу не ел тёплого. Поставил на плитку чайник, дождался кипения и вернулся к окну с кружкой в обеих руках. В доме от пара ненадолго запахло почти жильём.

Он достал телефон и написал матери: «Здесь красивое поле. Завтра сфотографирую». Сообщение не отправилось. Он оставил его и положил голову на сложенные руки.

Почти на рассвете из-за огородов взлетел жаворонок. Алексей не знал, что это жаворонок. Слышал только длинный, неровный, совершенно лишённый осторожности звук. Посидел ещё немного, затем лёг на кровать и уснул в одежде.

5. На час раньше

В шесть сорок под окнами амбулатории уже сидела старуха. На ней было синее пальто с чёрным воротником; рукава она подворачивала внутрь, отчего запястья казались неожиданно тонкими. Приближение Алексея заметила сразу и поднялась.

— Вы к кому?

— Я врач.

— А. Я думала, чинить.

У двери он обнаружил, что ключ, выданный председателем, не подходит. Попробовал второй, третий. Старуха наблюдала с терпением, в котором начинало проступать превосходство человека, давно знающего местные обстоятельства.

— Нина Павловна сейчас придёт.

— Приём с восьми?

— С восьми.

— Вы рано.

— Я не рано. Я вовремя. Рано другие.

Через минуту появилась Нина Павловна. Невысокая, плотная, в пальто на плечах. Халат виднелся снизу, у подола тянулась аккуратная зашитая полоса. Она поздоровалась с Алексеем, затем кивнула старухе.

— Антонина Ильинична, договаривались же.

— Я не стучу.

— Вот и хорошо.

Дверь Нина Павловна открыла своим ключом. Пётр Семёныч, выяснилось, отдал Алексею связку от прежнего кабинета, который теперь занимал архив. Она не удивилась. Повесила пальто, включила свет, поставила чайник.

— Сначала покажу. Потом разберёмся.

В коридоре стояли шесть стульев. На подоконнике лежали пустые карты, придавленные куском кафеля. По потолку шла жёлтая полоса; внизу под ней находилось ведро. Солнечный плакат о профилактике сердечных заболеваний отклеился в углу и выгнулся наружу.

Кабинет был маленький. Стол, кушетка, два шкафа, раковина. На дверце одного шкафа не сходились створки; их стягивали бинтом. Алексей остановился.

— Это временно?

— Что именно?

Он посмотрел на бинт. Нина Павловна развязала его, открыла шкаф.

— Замок сломан. Содержимое вот. Опись там, в папке.

Она показала инструменты, расходные материалы, оборудование. Объясняла ровно, не жалуясь. Что работает. Что работает с условием. Что необходимо согласовать. Что числится в ведомости, но в последние годы здесь никто не видел.

— Заведующая знает?

— Знает.

— И что говорит?

— Чтобы дали заявку.

— Дали?

Нина Павловна вытащила из папки несколько листов. Алексей посмотрел на даты и вернулся.

В перевязочной было чище, чем он ожидал. Видно было, что порядок поддерживают руками, без надежды на общее улучшение. Он почувствовал неловкость за собственный пер-

вый взгляд: уже успел мысленно обвинить людей в том, что сделал с помещением недостающий бюджет.

— А терапевтический кабинет?

— Здесь же.

— Кто принимает?

Нина Павловна посмотрела на него.

— Я, пока могу. В район направляю. Теперь вы будете.

— Я хирург.

— Это я прочитала.

— Нам по телефону говорили о работе по специальности.

Она закрыла папку.

— Давайте сначала с заведующей поговорите. Я вам за неё ничего не обещаю.

В семь двадцать вернулась Антонина Ильинична. Заглянула в приоткрытую дверь, увидела свет и остановилась, держась за косяк.

— А я только спрошу.

Алексей хотел напомнить про восемь. Потом посмотрел на её руку и предложил сесть.

Она раскладывала вещи долго: очки, платок, пакет с выписками, ещё один пакет, маленький свёрток в бумаге. Медицинские документы выглядели старше её пальто. В одном месте сквозь затёртый сгиб светила тонкая белая полоска.

— Что беспокоит?

— Давление.

— Какое?

— А вот померьте.

Он уточнял, осматривал, просил назвать лекарства. Она отвечала не на вопросы, а на собственное представление о том, что доктору нужно знать. Про соседку, которая бросила пить таблетки. Про сына, звонившего на Пасху. Про то, как прошлой осенью ездила в район, а её «не нашли в этом вашем компьютере».

— А название помните?

— Белые.

— Они почти все белые.

— Эти маленькие.

Он попросил принести упаковки. Старуха с торжеством раскрыла второй пакет. Коробки оказались здесь, но прежде нужно было выяснить, станет ли он смотреть всерьёз.

На столе выросла маленькая аптека. Алексей разобрал назначения, связался с районным коллегой, написал простую памятку крупными буквами. Антонина Ильинична двигала губами, пока читала.

— Это каждый день?

— Да.

— А если хорошо?

Он объяснил ещё раз. Она кивнула. Потом спросила то же самое другими словами. Он объяснил в третий раз и заметил, что Нина Павловна стоит у двери и слушает.

Приём занял почти час. За окном хлопнула калитка. В коридоре закашляли.

— Что вы так рано пришли? — спросил Алексей, возвращая документы.

Антонина Ильинична осторожно разгладила памятку.

— А вдруг вы тоже уедете.

Он хотел ответить, что только приехал, но вчера уже говорил это матери, и теперь фраза показалась ненадёжной.

— Предупредили бы.

— Предыдущая не предупредила. Я пришла, а там записка.

Старуха свернула бумаги, убрала очки. Маленький свёрток остался на столе.

— Вам сахар к чаю. Здесь хороший, кусковой.

— Спасибо, но не надо.

Она забрала его быстро, с облегчением, и от этого Алексей пожалел о своём отказе.

Когда дверь закрылась, Нина Павловна положила перед ним следующую карту.

— Как она?

— Надо наблюдать.

— Ей бы человека поблизости.

— Сын где?

— В городе.

Они оба помолчали. В коридоре стало шумнее. Алексей выглянул и увидел, что все шесть стульев заняты. У стены стояла женщина с ребёнком, возле входа мужчина поддерживал другой рукой локоть.

— Они к хирургу? — спросил он.

Нина Павловна посмотрела на очередь, потом на него.

— Они к доктору.

6. До приезда скорой

Первый ночной вызов пришёл через три дня. Алексей уже начал проваливаться в сон, когда услышал стук. Не звонок, не шаги — сразу стук в дверь, тяжёлый и торопливый. В городе такой звук означал бы беду. Здесь, как выяснилось, он означал ещё и отсутствие другого способа связаться.

На крыльце стоял мальчик. Одна штанина была заправлена в носок, другая нет. Руль велосипеда упирался в перила, колесо продолжало крутиться.

— У мамы началось.

Алексей не понял.

— Что началось?

Мальчик посмотрел на него со страхом, к которому примешалось раздражение.

— Рожает она.

Сон исчез не сразу. Алексей на секунду увидел себя как бы со стороны: стоит босой в дверях, не знает, где лежат штаны, а ребёнок ждёт, что он сейчас сделает всё нужное.

— Адрес. Быстро.

Пока мальчик называл улицу, Алексей натягивал одежду и набирал номер экстренной службы. Связь прерывалась. Он вышел во двор, повторил сведения, уточнил время. Затем позвонил Нине Павловне.

— Я сейчас, — сказала она без вопросов. — Вы идите, я знаю куда.

Дом стоял в низине, за старой школой. На крыльце горела лампочка, вокруг неё метались ночные бабочки. Дверь распахнула женщина с распущенными седыми волосами.

— Господи, спасибо, пришли.

На кухне пахло горячей печью и мокрой тканью. Роженица сидела на краю дивана, упираясь ладонями в клеёнку. Когда Алексей вошёл, подняла голову и сразу спросила:

— Вы умеете?

Он не стал отвечать общим словом. Представился, объяснил, что скорая вызвана, что сейчас нужно оценить состояние. Пока говорил, женщина смотрела ему в лицо, и он понял: она слушает не столько содержание, сколько устойчивость голоса.

Свекровь металась между столом и печью. Предлагала чай, полотенца, что-то вспоминала о своих родах. Мальчик держал телефон, который пищал из-за почти разряженной батареи.

— Поставь заряжать, — сказал Алексей.

— Зарядка у неё.

— Где?

Мальчик указал на сумку под диваном и вдруг отвернулся. Его затрясло.

Алексей присел возле него.

— Посмотри на меня. Мне нужна будет помощь. Возьми фонарь, который стоит у двери. Потом открой ворота, чтобы машина не искала.

Мальчик кивнул. Важность поручения оказалась надёжнее утешения. Он вышел, хлопнув дверью слишком сильно.

Нина Павловна пришла быстро. Уже в прихожей сняла пальто, повесила так аккуратно, будто это был обычный рабочий день, и за несколько минут привела кухню в состояние, в котором можно было действовать. Свекровь перестала метаться. Появилось место для нужного, исчезло всё лишнее.

Машина задерживалась. По телефону повторяли, что бригада едет. Алексей не спорил: водитель не мог приблизиться от его злости. Он уточнял, передавал изменения, оставался возле женщины и старался не думать о том, чего здесь не хватает.

Она крепко держала его за рукав.

— Муж в рейсе, — сказала в коротком промежутке. — Я ему не дозвонилась.

— Позвоните позже.

— Он скажет, что не дождалась.

Нина Павловна посмотрела на неё.

— Скажет — мне пришлётся. Я ему расскажу про расписание.

Женщина засмеялась и тут же согнулась. Нина Павловна взглянула на Алексея, и он подал ей то, за чем она уже протягивала руку.

Позднее он не мог восстановить эти полтора часа по порядку. Помнил яркую полосу клеёнки на столе, дрожавший свет, лицо мальчика в дверном проёме. Помнил, как свекровь тихо произнесла чьё-то имя и Нина Павловна не велела ей замолчать. Помнил собственное странное спокойствие: страх не исчез, но перестал занимать руки.

Ребёнок закричал сердито и неожиданно громко. Всё остальное на секунду затихло. Даже печь словно перестала потрескивать.

Мальчик у двери сказал: «Ой». Свекровь заплакала. Роженица лежала, закрыв глаза, и повторяла: «Дайте посмотреть».

Когда приехала бригада, Алексей передал сведения и отступил, уступая место. Старшая медик коротко уточнила несколько обстоятельств. Он ответил. От того, насколько буднично это происходило, ему вдруг захотелось сесть.

Нина Павловна подала стул.

— Сейчас поедут, потом посидите.

Женщина на носилках повернула к нему голову. Губы у неё побелели, но взгляд стал спокойнее.

— Алексей, да?

Он кивнул.

— А девочку можно Алексеей?

Свекровь у двери перестала плакать и посмотрела на неё с настоящим возмущением. Алексей растерялся.

— Лучше потом решите. Когда отдохнёте.

— Я давно думала. Просто не знала ещё.

Нина Павловна едва заметно толкнула его локтем: отвечай человеку, не стой столбом. Он пожелал им здоровья. Сразу услышал, как бедно это прозвучало после всего, что было на кухне, но женщина улыбнулась. Ей не требовалась особенная речь; хотелось только успеть сказать о своём облегчении тому, кто ещё через минуту останется позади.

Женщину с ребёнком вынесли. Свекровь бежала рядом с пакетом вещей и всё время спрашивала, взяли ли документы. Мальчик остался возле Алексея. Велосипед лежал в мокрой траве.

— Я не испугался, — сказал он.

— А я испугался.

Тот нахмурился.

— Вы же доктор.

— Поэтому и испугался. Нужно было всё сделать правильно.

Мальчик подумал и кивнул, словно получил серьёзное объяснение, которым можно пользоваться.

На обратном пути Алексей шёл рядом с Ниной Павловной. Восток светлел, огороды ещё лежали в синева. Сырые листья у заборов пахли сильнее, чем днём. Из одного окна доносилось радио: кто-то уже собирался на работу.

— Вы тут часто так? — спросил он.

— По-разному.

— Я серьёзно.

Она остановилась, поправила сумку на плече.

— И я серьёзно. Бывает неделя тишины. Бывает — всё сразу. Вы только не решайте сейчас, что без вас бы все умерли. Мы ведь и до вас жили.

Он почувствовал укол, хотел возразить. Нина Павловна посмотрела на него без неприязни.

— А сегодня хорошо, что вы были.

Эти слова вернули ему больше, чем длинная похвала. Возле своего дома он поблагодарил её. Она отмахнулась и ушла, тяжело ступая после бессонной ночи.

В доме было холодно. Алексей сел у окна и увидел, что поле покрыто низким прозрачным туманом. Солнце ещё не вышло, но вершины ив уже отделились от темноты. Он хотел позвонить матери, однако посмотрел на часы и передумал.

На столе лежала вчерашняя хлебная корка. Он съел её, не заметив вкуса, и впервые с приезда уснул без желания оказаться в другом месте.

7. Плечо Геннадия

Геннадий пришёл после обеда, когда Алексей впервые собрался поест. Он остановился в дверях боком, будто хотел пройти в слишком узкую щель. Правую руку поддерживал левой. На виске блестела полоска пота.

— Тут глупость одна.

Алексей отодвинул чашку.

— Что случилось?

— Слезал. Неудачно.

— Откуда?

— С трактора.

— Падали?

— Да нет. То есть вроде.

Геннадий говорил с досадой на самую необходимость уточнять. Всё случившееся он уже признал несерьёзным, теперь оставалось убедить в этом доктора. Алексей попросил сесть. Тот начал было опускаться, замер, привалился к косяку.

— Давайте помогу.

— Сам.

Через несколько секунд разрешил.

Боль делала Геннадия сердитым. Он отвечал коротко, путал последовательность, утверждал, что рука двигалась, пока «не это самое». Алексей осматривал внимательно, просил не пробовать ничего через силу. Нина Павловна вошла с картой и, едва взглянув, поставила её на край стола.

— Давно?

— Часа два.

— Гена.

— Три.

— С утра, — сказала она Алексею.

Геннадий отвёл глаза.

— Там работа была. Я думал, пройдёт.

В район пришлось звонить. Без нужного обследования Алексей не собирался делать то, чего от него уже ждали. Геннадий услышал про поездку, сразу выпрямился и застонал.

— Мне туда на весь день. Потом обратно как? У меня смена.

— Смену сегодня закончите.

— Кто это сказал?

Алексей посмотрел на его руку. Геннадий понял, но не согласился.

Пока искали транспорт, он успел рассказать, что новый механик ничего не понимает, что трактор старше докторского диплома и что в молодости подобное ему «за минуту ставили». Нина Павловна слушала, раскладывая необходимое.

— В молодости и волосы у тебя были, — сказала она. — Но сейчас надо по-другому.

Он обиделся ненадолго. Потом спросил, можно ли закурить. Алексей запретил. Геннадий вздохнул, как человек, столкнувшийся с последним ограничением.

В район его повёз сосед. Перед уходом Геннадий полез здоровой рукой во внутренний карман, достал мятый пакет. Внутри звякнуло стекло.

— Я так, по-соседски.

Алексей не взял.

— Не нужно.

— Там своё. Не магазинное.

— Мне всё равно нельзя принимать такие подарки.

Геннадий удивился, но пакет убрал.

К вечеру позвонили из района. На снимках перелома не было; вывих вправили там же, после обследования и обезболивания. Алексею передали рекомендации для дальнейшего наблюдения.

На следующий день Геннадий вошёл в амбулаторию с зафиксированной рукой. Принёс выписку, осторожно сел. Алексей проверил состояние руки, сверил назначения, объяснил, когда нужен повторный осмотр и при каких изменениях нельзя ждать. Геннадий слушал, не перебивая.

Позже он будет рассказывать, что ему «раз — и готово». Сейчас под глазами темнели круги после бессонной ночи, и надевать куртку помогала Нина Павловна.

Геннадий смотрел на Алексея с новым выражением. Будто тот до сих пор существовал условно и только теперь предъявил доказательство.

— Хорошо, — сказал он. — Вот это хорошо.

Алексей почувствовал удовольствие и сразу попытался скрыть его деловым вопросом. Слишком долго за последние недели его специальность растворялась в чужих справках, кашле и жалобах на жизнь. Сегодня удалось вовремя распознать травму и добиться помощи там, где её могли оказать. Алексей ещё раз посмотрел на выписку, проверяя результат.

После ухода пациента Нина Павловна открыла форточку. Вошёл тёплый запах дороги. На столе чай успел покрыться тонкой плёнкой.

— Довольны? — спросила она.

— Чем?

Она посмотрела на него поверх очков и не ответила.

Он взял чашку. К еде больше не тянуло; хотелось позвонить кому-нибудь из прежних коллег, рассказать случай и услышать в ответ что-нибудь обыкновенное, профессиональное. Не похвалу. Подтверждение, что он по-прежнему принадлежит к их миру.

Вершинин ответил не сразу.

— Ну как земля обетованная?

— Земля есть. С остальным пока неясно.

Алексей рассказал про Геннадия. Вершинин уточнил несколько вещей, одобрил порядок действий и заговорил о работе кафедры. Там готовили статью, искали чью-то таблицу. Нужна была копия его расчётов.

Алексей обещал прислать. Разговор закончился быстро. В клинике продолжалась жизнь, в которой отсутствие Алексея требовало главным образом найти файл.

Он положил телефон и почувствовал прежнюю пустоту. Нина Павловна уже ушла. За дверью сидела последняя пациентка, которую он не заметил: молодая женщина с воспалившимся пальцем. Алексей поспешно позвал её, извинился за ожидание.

Женщина удивилась.

— Да я ничего. Мне сказали, вы заняты.

Она смотрела на него с доверием, которого он не заслужил ничем, кроме открытой двери. Алексей придвинул лампу и попросил положить руку на стол.

Алексей задержался в кабинете, когда женщина ушла. На кушетке осталась вмятина, на столе — маленький след от её влажной ладони. Он протёр клеёнку, выключил лампу, затем включил снова: нужно было закончить запись. В городе эти повторные движения раздражали бы. Здесь помогали убедиться, что день всё-таки состоит из выполненных дел.

В коридоре пахло вымытым полом. На шести стульях никто не сидел. Он вдруг представил, что завтра никто не придёт, и почувствовал не облегчение, которого ожидал, а страх. Пришлось остаться у двери, прежде чем выйти: настолько неприятно было это обнаружение.

Вечером возле дома его догнал Геннадий. Принёс доску и рубанок.

— У тебя ступенька гуляет. Не то провалишься.

— Вам нельзя сейчас работать рукой.

— Я расскажу. Сделаешь сам.

Они провозились сорок минут. Геннадий сидел на пне, командовал, сердился, когда Алексей держал инструмент неправильно. К концу тот начал понимать разницу между ровной доской и доской, которая только кажется ровной.

— Ну вот, — сказал Геннадий. — А то доктор, доктор. Учиться тоже надо.

Алексей засмеялся. В этот раз без опоздания. Когда остался один, несколько раз наступил на новую ступеньку, проверяя не прочность, а непривычное ощущение, что кто-то увидел его нужду раньше, чем он успел попросить.

8. Ночь в Заречье

К женщине в Заречье ехали на старой машине, у которой не закрывалось правое окно. Муж Нины Павловны держал руль обеими руками и всякий раз перед ямой говорил: «Сейчас». От этого предупредительного слова тряска становилась почти личной.

— Что с ней? — спросил Алексей.

— Соседка позвонила. Упала. Не встаёт, — ответила Нина Павловна.

— Сознание?

— Говорит. Сама к телефону не может.

Алексей посмотрел на часы. Было без пятнадцати два. Вечером он лёг рано, рассчитывая наверстать сон, но сначала под окнами спорили о заблудившейся козе, потом звонили из района, затем наконец наступила тишина. Он успел уснуть только после полуночи.

Дорога шла через поле. Фары выхватывали мокрые стебли и снова теряли их. Там, куда свет не доставал, стояла темнота, плотная и ровная. В городе ночь обычно имела задний план: освещённые окна, вывески, движущиеся машины. Здесь за пределами фар ничего не подтверждало, что пространство продолжается.

Заречье оказалось несколькими домами у воды. У третьего горела лампа. Соседка ждала на крыльце в вязаной кофте поверх ночной рубашки. При виде Нины Павловны перекрестилась.

— Всё говорю: не лезь одна. Нет, банки ей понадобились.

Женщина лежала у погреба, прикрытая одеялом. Возле ног стояла перевернутая табуретка. Из открытого люка тянуло холодом, пахло землёй и яблочной гнилью. Одна банка разбилась; в темноте под столом блестел компот.

Алексей опустился рядом. Поздоровался, спросил имя. Женщина ответила и сразу сказала, что в больницу не поедет.

— Давайте сначала посмотрим.

— Я свою хату не брошу.

Соседка начала спорить. Алексей остановил её. Осмотр занял время. Нужно было понять, что случилось, не причинить дополнительного вреда и дожидаться подходящего транспорта. Экстренную службу вызвали ещё по дороге; теперь он передавал уточнения, ловя связь у двери.

Пострадавшая следила за каждым его движением. Когда он попросил не вставать, рассердилась.

— Я не собираюсь. Я бы встала — тебя не звали.

— Хорошо, тогда мы друг друга поняли.

Она посмотрела на него внимательнее. В углу от капель гулко звенело ведро. Где-то под подушкой без конца пищал дешёвый телефон.

— Дочь, — объяснила соседка. — Я ей сказала, она теперь всё звонит.

Алексей попросил трубку. Дочь сразу заговорила быстро и громко: почему мать лежит на полу, почему её не подняли, что это за доктор, где скорая. Он отвечал спокойно, повторял необходимые сведения. На середине разговора услышал в трубке детский плач.

— Вы далеко? — спросил он.

— В четырёхстах километрах. Я не могу сейчас...

Голос сломался. Алексей перестал воспринимать вопросы как обвинение.

— Мы с ней. Помощь едет. Когда передадим бригаде, сообщим.

— Пожалуйста, не оставляйте.

Он пообещал не оставлять до передачи. Ему захотелось сказать больше, но это уже было бы обещание не о его возможностях, а о чужом желании услышать невозможное.

Ждали долго. Нина Павловна устроилась на маленьком стуле. Алексей то стоял, то присаживался; поясница затекла. Женщина периодически спрашивала, сколько времени. Соседка отвечала раньше, чем он успевал посмотреть на часы, и каждый раз прибавляла к реальному времени десять минут.

— Чего ты меня старишь? — сказала пострадавшая.

Они засмеялись. Потом снова замолчали.

В кухне было видно, как устроена жизнь человека, старающегося никого не беспокоить. Запасы разложены по небольшим банкам. Таблетки подписаны чужой рукой. Возле выключателя — бумажка с телефонами, на которой самая нужная цифра стёрлась от частых прикосновений. На табуретке лежал пакет приготовленных для дочери вещей: выстиранное полотенце, варенье, какие-то детские носки. Женщина, которая не могла подняться с пола, собиралась кого-то снабжать.

Алексей сидел рядом и чувствовал раздражение. На неё — за погреб. На дочь — за расстояние. На себя — за бессмысленность первых двух чувств. Хотелось, чтобы существовал человек, которому можно передать ответственность за весь этот дом, а не только за отдельную травму.

Скорая приехала уже под утро. Передав сведения, Алексей вышел на крыльцо. Река была скрыта туманом. Слышалось, как по воде коротко бьёт рыба или падает что-то с ветки. Холод прошёл под рубашку, и он задрожал.

Нина Павловна вышла следом, проверяя содержимое сумки.

— Слишком поздно звали, — сказал Алексей.

— Соседка её часов в одиннадцать нашла.

— Почему ждали?

— Она надеялась, что отлежится.

Он хотел выругаться, но удержался.

Возле машины ждал муж Нины Павловны. Он не спрашивал, почему так долго. Протянул ей из термоса крышку с чаем; прежде чем взять, она вытерла руки о платок.

— Ты пил? — спросила.

— Пил.

— Врёшь. Ты мне оставил.

Он пожал плечами. Нина Павловна сделала два глотка, вернула. Муж допил, стряхнул остаток в траву и молча открыл ей дверь.

Алексеев предложили хлеб с сыром. Бутерброды завернули в старую чистую салфетку, на которой сохранилась дырка от утюга. Он хотел отказаться: казалось неудобным есть чужое, пока женщина едет в больницу. Потом понял нелепость этого стыда и взял.

— Домой ей кто смотреть придёт? — спросила Нина Павловна.

Соседка ответила, что присмотрит, только ключ надо снять с гвоздя за печью. Они обсудили кур, кошку и закрытый погреб. Серьёзная часть помощи завершилась, но жизнь не поместилась в машину скорой; остаток требовалось распределить между теми, кто оставался.

Алексей ел, слушая, как женщины договариваются. Вспомнил Катю: она тоже спрашивала, ел ли он, а он отвечал на ходу, не снимая пальто. Ему казалось, что она отвлекает от важного. Теперь незнакомый мужчина, всю ночь просидевший за рулём, молча прикручивал крышку к термосу, и это движение почему-то оказалось трудно выдержать.

Алексей отнёс соседке пустую салфетку. Та велела не спешить возвращать: передаст Нине Павловне сама. Он аккуратно сложил ткань, всё равно отдал и поблагодарил. Ему нужно было хотя бы это довести до конца.

В машине Нина Павловна заснула почти сразу. Её муж вёл медленнее, чтобы не трясло. Алексей смотрел в окно. Над полем уже серело. Столбы выходили из темноты один за другим, и каждый раз свет фар обнаруживал ту же облупленную нижнюю часть.

Дома он снял обувь, сел на кровать и поставил будильник. До приёма оставалось два часа. Телефон снова зазвонил: дочь пострадавшей благодарила, спрашивала, можно ли ещё уточнить.

Он ответил. Разговор занял пятнадцать минут. Затем лёг, но сон не приходил. В голове продолжал пищать телефон из чужой кухни. К утру Алексей всё ещё слышал просьбу «не оставляйте» и уже не понимал, относилась ли она к одному ночному вызову.

9. Любовь Романова

Девочка вошла, стараясь не хромать. Из-за этого шла медленно, с неестественно прямой спиной. Мать придерживала её за плечо; девочка всякий раз сбрасывала руку, как только замечала.

— Упала, — сказала женщина.

— Я перепрыгивала.

— Я и говорю.

— Это не то же самое.

Алексей отложил карту.

— Садись. Как зовут?

— Любовь Романова.

— Полностью представилась.

— У вас на двери тоже полностью.

Ей было восемь, почти девять. Уточнение она добавила сама, после паузы, в которой Алексей мог успеть записать неправильный возраст. Колено сильно ободрала, ссадина была грязной. Пришлось поговорить о том, когда это случилось, что делали дома, почему пришли только теперь.

Мать отвечала настороженно. Звали её Мариной. Она стояла у двери с сумкой, в которой виднелся край рабочей формы, и всё время смотрела на часы. Алексей решил, что женщина торопится на работу, но по тому, как она просила дочь сидеть спокойно, чувствовалось другое: ей хотелось избежать упрёка.

— Оставайтесь рядом, если ей так легче, — сказал он.

— Мне не легче, — немедленно ответила Люба. — Она говорит: «Не бойся», а я сразу боюсь.

Марина покраснела. Алексей попросил девочку показать, где болит сильнее, объяснил, что сейчас будет делать. Люба слушала внимательно, потом спросила, можно ли не смотреть.

— Конечно.

— А вы смотреть будете?

— Мне придётся.

Она помолчала.

— Ладно.

Пока он занимался коленом, Люба держалась обеими руками за края стула. Не плакала, только дышала громче, чем нужно. Алексей разговаривал с ней, стараясь не превращать разговор в представление.

— Через что перепрыгивала?

— Через канаву.

— Зачем?

— Он сказал, что девочки не могут.

— Кто?

— Уже неважно.

— Перепрыгнула?

Она посмотрела на колено.

— Почти.

Марина улыбнулась впервые за весь приём. Улыбка быстро исчезла, но лицо успело сделаться другим: моложе, мягче, с маленькой ямкой возле губы.

Алексей уточнил документы и дальнейшие действия. Марина всё повторила вслух, словно учила маршрут. Он написал короткую памятку, чтобы не пришлось запоминать.

— Деньги куда? — спросила она.

— Не нужно.

— Я просто не знаю, у вас как.

Он поднял голову. Вопрос прозвучал без скрытого смысла. Она действительно не знала, чего здесь от неё ждут.

— За этот приём платить не нужно.

Марина кивнула. Поправила дочери куртку. Люба не позволила застегнуть верхнюю пуговицу.

У двери девочка остановилась.

— А вы здесь откуда?

— Из города.

— Из какого?

Он назвал.

— Далеко, — сказала она.

— Далеко.

— У нас тоже далеко, если оттуда ехать.

Мать увела её, не дав договорить что-то ещё. Алексей некоторое время смотрел на закрытую дверь, потом взял следующую карту.

Вечером он увидел Любу возле своего дома. Она стояла на корточках у крыльца, поддевала палочкой землю. Издали показалось, что закапывает что-то, и ему почему-то стало тревожно.

— Ты чего здесь?

Она подняла ладонь. В ладони лежали зелёные осколки.

— Кошка порежется.

На утопанной земле возле ступеньки действительно блеснуло стекло. Алексей заметил его ещё в день приезда и собирался убрать, но каждый раз проходил мимо. Слова «потом сделаю» успели превратиться в часть двора.

Он принёс совок. Вместе они собрали крупное, затем стали искать мелкие осколки. Люба работала серьёзно. Волосы падали ей на лицо, она сдвигала их, не касаясь грязными пальцами.

— Ты рядом живёшь?

Она указала через два огорода.

— Мама знает, что ты здесь?

— Она на смене.

— А дома кто?

— Бабушка.

Он кивнул. Следующий вопрос оказался сложнее. Люба почувствовала его и сама сказала:

— Папа у нас отдельно.

— Понятно.

— Не всё понятно. Просто я не хочу.

Алексей молча высыпал стекло в старую банку. Люба наблюдала, как он закрывает крышку.

— Вы доктор, а банка у вас под стекло.

— У банок бывают разные специальности.

Она подумала и засмеялась. Смех был негромкий, с удивлением, будто шутка сработала случайно.

Потом села на новую ступеньку, сделанную по Геннадиевым указаниям, и спросила, кто здесь жил раньше. Алексей не знал. Люба объяснила: тётя Шура, только она ей не тётя. Бабушка иногда носила той суп. В доме раньше были часы с птицей, но птица давно не выходила.

— Сейчас нет часов.

— Значит, забрали.

Девочка произнесла это без сожаления. Алексей вдруг увидел дом не как плохое обещание председателя, а как место, где до него кто-то ждал супа, заводил часы, забывал банку на подоконнике. От этой мысли стало теснее и немного теплее.

Он предложил Любе воды. Она отказалась, сказала, что дома такая же. Потом заметила его невымытую кружку в сенях и деликатно отвела глаза.

Когда она ушла, он вымыл кружку, подмёл крыльцо и убрал банку с осколками туда, где ребёнок не сможет случайно до неё добраться. Вспомнил, что Люба сама принесла половину этих осколков на голой ладони.

На вечернем поле ветер шёл узкими полосами. Между ними трава стояла неподвижно. Алексей сел у окна, достал телефон и отправил матери обещанную фотографию. В кадр попал угол рамы с облупившейся краской. Он собирался обрезать, потом оставил.

Мать ответила: «Красиво». Через минуту добавила: «И окно вымой снаружи». Он рассмеялся так неожиданно, что мышь под полом затихла.

10. Свой доктор

К концу второй недели Алексей начал узнавать людей по походке в коридоре. Антонина Ильинична шаркала у самой двери и всегда останавливалась на секунду перед тем, как постучать. Мужчина с перевязанным пальцем шёл быстро, громко, как будто хотел доказать, что болезнь не влияет на его хозяйственные способности. Марина переступала осторожно, стараясь не потревожить чужую работу, хотя приходила по записи.

Это знакомство радовало и пугало. В городе пациент мог исчезнуть после выписки и остаться хорошо выполненным случаем. Здесь он продолжал жить напротив, покупать хлеб, стоять у колонки; невозможно было отделить медицинскую карту от человека, который ещё вчера объяснял, как правильно складывать дрова.

Утро начиналось с очереди. Алексей проходил между людьми, отвечал на приветствия и старался не останавливаться. Если останавливался, первая консультация происходила ещё в коридоре, вторая — у дверей, третья требовала вернуться к тем, кто обиделся, что не успел спросить раньше.

Нина Павловна приносила чай и уносила почти нетронутым. Однажды поставила перед ним тарелку и сказала, что приём продолжится через двадцать минут.

— Там ждут.

— Я им сказала.

— А если...

— Если срочное, позову.

Он поел стоя, торопливо. Через семь минут уже был у двери. Нина Павловна посмотрела на часы, но промолчала.

Ему нравилось, что без него не обходятся. Он бы не признался в этом даже Вершинину. Усталость давала удобное объяснение всему: почему не отвечает матери, почему не чинит дом, почему не думает о Кате. Дела заполняли день так плотно, что собственной жизни оставалось только терпеливо переждать за стеной.

В среду пришёл Пётр Семёныч. Заглянул в кабинет, увидел очередь и расцвёл.

— Ну вот. Сразу другое дело.

— Нам нужен терапевт.

— Я говорил. В районе ищут.

— И понятный порядок ночных вызовов.

Председатель поджал губы, понизил голос.

— Алексей Андреевич, люди ж привыкли. Вы пока входите в положение.

Алексей хотел спросить, сколько длится «пока». Снаружи заплакал ребёнок, Нина Павловна позвала, и разговор не состоялся. Пётр Семёныч ушёл с видимым облегчением. Незаконченные разговоры были ему удобнее отказов.

В тот же день Геннадий принёс на перевязку соседа. Сосед начал с извинений за то, что из другого посёлка.

— Гена сказал, здесь нормальный доктор.

Алексей смутился, затем разозлился на смущение. Поинтересовался жалобами и слишком быстро перешёл к делу. Позже поймал себя на желании, чтобы Геннадий повторил похвалу при Нине Павловне.

Он ненавидел в себе эту потребность. Защита, статьи, сложные дежурства не избавили от детского ожидания, что кто-нибудь взрослый заметит: старается, может, достоин оставаться рядом. В Глухове взрослого не нашлось. Пришлось искать одобрение у людей, которые зависели от его помощи, и это было несправедливо к ним.

После обеда явилась женщина с огромным пакетом старых снимков. Не больная: хотела, чтобы он посмотрел за мужа. Муж остался дома, потому что «не любит ваши учреждения». Алексей объяснил, почему нужны сам человек и осмотр. Она вздохнула, убрала снимки, затем вынула из кармана телефон.

— А я сейчас позвоню, вы ему скажете.

Он позвонил. Разговор занял ещё пятнадцать минут. Когда закончился, за дверью уже спорили, почему одних принимают так долго.

К вечеру заболела голова. Алексей несколько раз перечитывал одну запись, пока не понял, что пропустил строку. На столе лежало двадцать три карты. В последней не было подписи, он исправил и тут же засомневался, верно ли поставил дату.

— Всё на сегодня, — сказала Нина Павловна.

— Там ещё кто-то.

— Это за лекарствами. Я отдам.

Он не встал. Чувствовал, что если останется ещё на десять минут, день можно будет считать законченным правильно. Непонятно только было, кто должен выдать это разрешение.

По дороге домой остановился у колонки. Вода била с перебоями, от удара на ладони появлялись крошечные пузырьки. Возле забора сидел мужчина в рабочей куртке и курил. Алексей узнал его: встречал у магазина вместе с Сашей, который возил грузы.

— Доктор, — сказал мужчина. — Ну что, лечишь?

— Стараюсь.

— Это главное. Не зазнавайся только.

Слова прозвучали почти добродушно. Алексей спросил, не нужна ли помощь. Мужчина отрицательно мотнул головой, затынулся, выпустил дым через нос.

— Васькой меня зовут. Тут все знают.

Алексей кивнул. Поднял ведро и пошёл. Ему казалось, он тоже постепенно становится человеком, которого здесь все знают. Поначалу именно этого ему хотелось.

Дома на пороге лежала его шапка. Он забыл её в одном из домов после вызова; теперь шапку постирали, высушили и аккуратно свернули. К ней прилагалась записка без подписи: «В следующий раз заходите просто так».

Алексей поднял её. В прочитанном было что-то, чего он давно не получал, — приглашение без болезни. Он долго держал записку, затем положил возле телефона.

Мать позвонила, пока он пытался поставить на место оторвавшуюся щеколду. Алексей ответил не сразу, прижимая дверцу коленом.

— Ты опять занят?

— Уже нет.

Он сел на ступеньку. Рассказал про шапку. Мать выслушала, спросила, тёплая ли теперь вода, привезли ли баллон, как он спит. Ему хотелось услышать про хороших людей, про правильный выбор; она говорила о самых прозаических вещах.

— Здесь я нужен, — сказал он наконец.

Мать помолчала.

— А тебе самому как?

— Я же говорю.

— Я слышу. Просто это не совсем ответ.

Он посмотрел на шапку у себя на коленях. Пальцами нашёл шов, который прежде давил на лоб. После стирки ткань стала мягче.

— Пока не знаю.

— Это уже ответ.

Они поговорили ещё немного. Мать рассказывала о соседке, которая переставила шкаф и перекрыла себе розетку. Алексей неожиданно стал спрашивать подробности. Как перестав-

ляла, кто помогал, зачем понадобилось. Ему нравилось слушать о неприятности, которая не требовала диагноза.

После разговора он вырезал ножом маленький деревянный клин и закрепил щеколду. Дверь больше не открывалась сама. Алексей проверил её несколько раз и оставил до выходного.

За окном темнело поле. На дальнем краю трактор делал последний проход. Его огни медленно двигались вдоль леса, останавливались, поворачивали. Алексей смотрел, не зная, что следит за работой Геннадиевой смены.

Ночью ему приснилось, что он идёт по больничному коридору и не может найти выход. Все двери открываются в его собственный кабинет, за каждым столом сидит он же, только немного старше. Проснулся до будильника. Некоторое время слушал тишину, затем встал готовиться к приёму.

11. Не записывайте

Мужчина вошёл после четырёх. Алексей заметил его ещё в коридоре: тот пропустил женщину с сумкой, затем старика, потом просто отошёл к окну. Когда Нина Павловна спросила фамилию, ответил, что подождёт.

Теперь он стоял в дверях кабинета и держал кепку обеими руками. На нём была хорошая рабочая куртка, выстиранная до белёсых полос на локтях. Волосы возле висков потемнели от пота, хотя день был прохладный.

— Мне бы без неё.

Он показал глазами в сторону коридора. Нина Павловна услышала, положила карту и вышла. Дверь закрыла плотно.

— Садитесь, — сказал Алексей.

Мужчина сел на самый край. Кепку положил на колени, тут же забрал, начал разглаживать козырёк.

— Вы местный?

— Здесь работаю.

— Фамилия?

— А нельзя пока так?

Алексей отодвинул ручку.

— Можно сначала поговорить. Что случилось?

Мужчина посмотрел на раковину. В горлышке крана висела капля; становилась больше, падала, и сразу начинала собираться следующая. Он следил за этим с такой сосредоточенностью, будто пришёл проверить водопровод.

— Срамное место.

Алексей кивнул, не подгоняя.

— Почернел у меня член, — наконец сказал мужчина и закрыл глаза.

Произнёс грубо, почти сердито. Видимо, долго искал слова поприличнее, устал и теперь хотел наказать обоих за сам разговор.

После осмотра Алексей понял, что амбулаторией дело не ограничится. Состояние было запущенным, требовало срочной помощи там, где есть необходимые специалисты и условия. Он осторожно уточнял сроки. Мужчина каждый раз уменьшал их, затем, убедившись, что доктор не начнёт браниться, поправлял себя.

Оказалось, терпел больше недели. Пробовал то, что советовал знакомый. Потом знакомый привёл другого знакомого. Когда стало хуже, решил дожидаться выходных, чтобы можно было уехать без объяснений начальнику. Теперь выходные прошли, боль осталась, и понадобилось придумать объяснение уже всем.

— Скорую вызываю, — сказал Алексей.

Мужчина сразу встал. Кепка упала на пол.

— Нет. Вы тут. Что надо, я куплю.

— Здесь нет нужных условий.

— Вы же хирург.

В голосе прозвучало не обвинение, а надежда на должность. Если доктор хирург, значит, достаточно напомнить ему об этом, и он сделает положенное.

Алексей поднял кепку, положил на стул.

— Я хирург. Поэтому и говорю, что нужно в больницу. С этим нельзя ждать.

Мужчина не сел. Лицо его сделалось неподвижным, словно он перестал слушать.

— Жена узнает.

— Она и так видит, что вам плохо.

— Не это узнает.

Он посмотрел на дверь. Алексей заметил в нём уже знакомое движение: человек ищет не выход из болезни, а возможность сохранить прежнюю жизнь, в которой болезни как будто ещё нет.

— Я не знаю, что именно вы ей говорили. Сейчас нам нужно сделать так, чтобы вы получили помощь.

— Потом по всей деревне.

— От меня — нет.

— А оттуда?

На этот вопрос он не мог ответить за всех. Сказал о конфиденциальности, о том, что медицинская информация не предназначена для соседей. Мужчина криво усмехнулся. Его опыт отношений с людьми был длиннее любых разъяснений.

Алексей почувствовал раздражение. Уже вызвал бы бригаду, передал сведения, подготовил направление. Вместо этого сидел и убеждал взрослого человека позволить себе остаться живым. За дверью кашляли; Нина Павловна разговаривала с очередным посетителем. В кабинете становилось душно.

Он встал, открыл форточку и только потом продолжил. Говорил медленнее. Назвал опасность без подробностей, которых мужчина всё равно не услышал бы. Объяснил, что не обещает лёгкого лечения. Что время имеет значение. Что его согласие нужно не доктору для отчёта.

Тот наконец сел. Кепку снова положил на колени.

— Только фамилию никому.

Алексей записал данные. Вызвал помощь, связался с дежурным коллегой. Нина Павловна вошла, ничего не спросила, помогла подготовиться к передаче пациента. Мужчина смотрел на неё с ужасом, но она была настолько занята делом, что понемногу перестал прятать лицо.

Пока ждали, он неожиданно заговорил о бензине. О том, что в районе дороже, а качество хуже. Алексей отвечал коротко, понимая: это единственное безопасное пространство, которое у человека сейчас осталось.

У машины мужчина задержал его за рукав.

— Я ж не думал, что так.

— Знаю.

— Все думают, что дурак.

Алексей хотел сказать, что никто так не думает. Вовремя остановился.

— Вы приехали. Сейчас это главное.

Когда скорая уехала, он вернулся в кабинет и сел на низкий табурет у шкафа. Не было сил идти к столу. На полу лежал комочек земли с чужого сапога. Ему захотелось убрать его немедленно: если пол станет чистым, возможно, удастся перестать видеть всё остальное.

Нина Павловна принесла хлеб с маслом.

— Остальных я на завтра.

— Он ведь ходил, — сказал Алексей. — На работу. В магазин. Здравовался.

— Конечно.

— С этим.

Она поставила тарелку.

— И боялся. Каждый раз, когда здоровался.

Алексей посмотрел на неё. В его отвращении к случившемуся вдруг обнаружилась удобная слепота: он видел нелепость поведения, но не хотел видеть страх, который делал это поведение возможным.

Он вымыл руки ещё раз. Слишком горячей водой. Потом стоял, опираясь ладонями на край раковины, и смотрел, как новая капля собирается на кране.

Дома пахло непросохшей древесиной. За стеной шуршала мышь. Алексей подошёл к окну, но поле не помогло: зелень казалась влажной, тяжёлой, словно всё, что он видел днём, разрослось и заняло землю до самого леса.

Он закрыл форточку. На столе лежала записка про шапку. «В следующий раз заходите просто так». Алексей перевернул её. Не хотел, чтобы добрые слова в этот вечер требовали от него ответа.

12. Машины у крыльца

Первую незнакомую машину Алексей увидел во вторник. Она стояла перед амбулаторией, слишком чистая для местной дороги. Водитель, женщина лет сорока, обошла лужу и сразу направилась к нему.

— Вы Алексей Андреевич?

— Да.

— Нам вас рекомендовали.

Он хотел спросить кто, но она уже рассказывала. У её матери плохо заживала рана, в городе посоветовали ещё показаться специалисту, а знакомая жила в соседнем посёлке и знала человека, которому здесь очень помогли. Каждая новая подробность делала первоначальный совет увереннее.

— Мы из района. Записаться не знали как.

— Сначала в регистратуру. Нина Павловна объяснит.

Женщина посмотрела на дверь, где никакой регистратуры не было. Алексей понял, что сказал по старой привычке, и сам провёл её в коридор.

К полудню приехали ещё двое. Один действительно нуждался в хирургическом осмотре. Второй хотел «полную проверку организма» и удивился, что здесь не делают всё сразу. Он разглядывал облупленную стену с видом покупателя, которому обещали иной товар.

— А почему к вам тогда едут?

Алексей почувствовал злость и ответил, что не занимается рекламой. Человек обиделся. Нина Павловна позже сказала, что можно было объяснить спокойнее.

— Он меня спрашивает, как будто я услугу продал.

— А вы отвечаете, как будто он условия в районе определяет.

Спорить Алексей не стал. С каждым днём становилось труднее различать чужое невежество и настоящее пренебрежение. На обоих он уже реагировал одинаково.

В четверг приехал мужчина из Москвы. Об этом сообщили ещё до его появления: сначала женщина в очереди, потом Геннадий, зашедший уточнить назначение, затем Пётр Семёныч по телефону. Алексей спросил председателя, не требуется ли сопровождение официальной делегации. Тот не понял шутки и предложил помочь.

Москвич оказался обычным усталым человеком с рюкзаком. Жил у сестры на даче, узнал про доктора, решил прийти. Когда Нина Павловна сказала подождать, спокойно сел и достал книгу. Вся торжественность существовала без его участия.

Алексей осмотрел его, объяснил дальнейший порядок. Мужчина задавал точные вопросы, записывал ответы в телефон. В конце спросил:

— Вы после большой клиники?

— Работал в городе.

— Видно.

Похвала понравилась Алексею до такой степени, что он немедленно перестал доверять человеку. Стал говорить суше. Москвич не заметил или не подал вида.

— Вы здесь надолго?

— По договору.

— Я почему спрашиваю: сестре потом тоже надо будет.

Вот и всё. Не оценка судьбы, не признание таланта. Человеку нужен был понятный адрес, куда можно привести сестру.

После обеда Нина Павловна показала ему сообщение в районной группе. Чья-то знакомая благодарила врача из Глухова. Описание было восторженным, неточным. Роды на дому

превратились в спасение «почти в чистом поле». Геннадиева травма — в историю о руке, которую хотели отнять, но молодой хирург не позволил. Алексей прочитал дважды.

— Этого не было.

— Знаю.

— Надо исправить.

— Исправьте.

Он написал женщине. Вежливо попросил убрать недостоверные подробности. Ответила через час: что же плохого, она от души, люди должны знать хорошее. Он объяснил ещё раз. Несколько фраз удалили, но под сообщением уже появились новые комментарии. Кто-то записывал адрес. Кто-то писал, что настоящие врачи ещё остались.

Алексей положил телефон экраном вниз.

Ему было приятно. Именно это мучило сильнее всего. Ошибки в рассказе раздражали, а образ, который из них получался, не хотелось разрушать до конца. В нём он был тем, кем ещё только надеялся стать: человеком, чьё присутствие меняет исход.

К вечеру Пётр Семёныч пришёл с маленьким пакетом чая.

— До Москвы дошло. Вот что значит кадры.

— До соседней дачи, — сказал Алексей.

Председатель рассмеялся, решив, что доктор скромничает.

— Надо в районную газету. У нас корреспондент хороший, девочка.

— Не надо.

— Почему? Не про вас лично. Про медицину на селе.

Алексей посмотрел на потолок. Ведро под протечкой оставалось на месте. Председатель проследил за его взглядом и быстро пообещал узнать насчёт материалов.

Снимок всё-таки сделали без него. Через день Алексей увидел в газете фотографию фасада амбулатории, сделанную несколько лет назад: на крыльце стоял другой врач. Подпись сообщала, что медицинская помощь в Глухове становится доступнее.

Он принёс газету Нине Павловне. Та посмотрела и сказала, что на фотографии покойный Иван Никитич, очень хороший человек. Помолчала, поправила край листа.

— Дверь тогда ещё не перекосило.

Они стояли над газетой вдвоём, и Алексей вдруг засмеялся. Не потому, что было смешно. Иначе пришлось бы всерьёз обсуждать, сколько живого труда помещается в чужую радостную подпись.

На следующий день Валя из автобуса встретила его у колонки. В руках держала пустой бидон.

— Слышала, понаехали к вам. Нашим теперь не попасть.

— Принимаем по порядку. Срочных отдельно.

— Я не про срочных. Я вообще.

Алексей перестал набирать воду.

— Если человек приехал из соседнего села, ему куда?

Валя подумала. Начала объяснять, что сама не против, лишь бы своих не обделяли. Собственная справедливость представлялась ей вполне естественной: доктор поселился у них, значит, его время тоже должно было стать частью местного хозяйства.

— Вы же не здешняя родились? — спросил Алексей.

— При чём тут.

Он хотел продолжить и остановился. Усталость делала каждую беседу маленьким судебным заседанием, где хотелось выиграть, даже если другой человек пришёл только за водой.

Валя дождалась, пока он уберёт ведро. Нажала на рычаг колонки.

— Вы не обижайтесь. Я ж по-доброму.

Он кивнул. По дороге домой думал о том, как часто человеку приходится соглашаться с намерением, чтобы не спорить о последствиях. Бидон у Вали был тяжёлый, ручка явно резала пальцы. Он обернулся, предложил донести. Она отказалась, потом разрешила. До её калитки шли молча.

Вечером у амбулатории оставалась одна машина. Водитель спросил, примет ли доктор ещё человека. Алексей посмотрел на часы. Было почти семь.

— Что беспокоит?

Водитель начал объяснять. Алексей открыл дверь и пропустил его внутрь.

13. Мальчик, который притих

Мальчика привезли в пятницу. Отец нёс его на руках, хотя ребёнок был уже большой, лет шести. Мать шла следом с курткой и пакетом. В коридоре кто-то начал говорить про очередь, потом посмотрел на лицо отца и замолчал.

Алексей вышел сразу. Мальчик лежал у мужчины на плече, прижав к щеке ладонь. Глаза были открыты. Слишком спокойные.

— Что случилось?

— Живот. С утра. Мы думали, съел чего.

Они приехали из соседнего посёлка. До этого советовались по телефону, давали то, что было дома, ждали. Ребёнок сначала плакал, потом перестал. Перестал — и родители решили, что легче.

Алексей попросил положить его на кушетку. Отец не сразу разжал руки.

— Я аккуратно, — сказал он.

— Знаю. Давайте вместе.

Мальчика звали Егором. На вопрос, где болит, он не показал пальцем, а посмотрел на мать. Та быстро ответила за него. Алексей попросил дать сказать самому.

Мать обиделась, испугалась своей обиды и замолчала.

Осмотр не давал права ждать до понедельника. Алексей проверял, уточнял, возвращался к уже заданным вопросам. Егор отвечал тихо. Иногда не отвечал вовсе, но не капризничал: следил за доктором с терпением, от которого становилось тревожнее.

Алексей позвал Нину Павловну. Пока она связывалась с районом, отец стал рассказывать про вчерашний день рождения. Про салат, мороженое, газировку. В перечислении была надежда: если назвать всё съеденное, найдётся виноватый продукт и можно будет вернуть ребёнка домой с простым запретом.

— Это могло совпасть, — сказал Алексей. — Сейчас нужно в больницу.

Мать спросила, нельзя ли сначала сделать укол. Она понимала опасность не полностью, но уже слышала её в голосах взрослых и хотела немедленного действия, которое можно увидеть.

Алексей объяснил, что облегчить боль нужно, но от поездки в больницу это не избавит. Обезболивание согласовал с дежурным хирургом. Названия болезни пока не произносил: требовались обследование и наблюдение в стационаре.

Дежурный хирург в районе задал несколько вопросов. Алексей ответил, повторил то, что считал существенным. В трубке помолчали, затем сказали присылать без задержки, согласовали дальнейшее. Нина Павловна уже знала время прибытия бригады.

Отец вышел звонить. Сквозь дверь было слышно: «Нет, я не выйду сегодня. Да плевать мне на смену». Он произнёс это внезапно громко и сразу понизил голос.

Егор заметил открытую форточку.

— Там воробей.

Алексей обернулся. На рябине за окном действительно сидела маленькая птица, повернувшись к кабинету боком.

— Вижу.

— Он клюв вытирает.

— После обеда, наверное.

Мальчик едва улыбнулся. Мать прикрыла рот ладонью, чтобы не заплакать. Алексей сделал вид, что не заметил.

В ожидании время распалось на отдельные проверки. Состояние ребёнка, связь, документы, ещё один разговор с отцом. Егор спросил, поедет ли с ним мама. Алексей сказал, что

взрослые сейчас решат так, чтобы он не оставался один. Мать сразу наклонилась и пообещала ехать.

— А папа?

— И папа приедет.

Ему этого оказалось достаточно. Он закрыл глаза. Мать встрепелась, Алексей снова оценил его состояние и остался рядом.

Машина подъехала через тридцать восемь минут. Алексей знал точное время, потому что записывал. Позже родители станут говорить, что скорая пришла почти сразу. В их памяти ожидание сожмётся, зато несколько коротких фраз будут звучать годами.

Передача прошла быстро. Отец пытался благодарить, мешал застегнуть ремень сумки, запутался. Алексей попросил помочь с вещами. Наконец двери закрылись.

Вернувшись, он обнаружил, что в коридоре по-прежнему сидят люди. Кто-то спросил, можно ли теперь со справкой. В голосе была усталость, никакой злости. Человек ждал больше часа и не знал, сколько ещё ему положено понимать чужую беду.

Алексей принял его. Затем остальных. Работал медленнее обычного, перепроверял записи. Нина Павловна предложила сделать перерыв, он покачал головой.

На столе осталась Егорова куртка. Мать в спешке сунула её под стул, потом забыла. Алексей поднял, отряхнул. На кармане был пришит кривоватый светоотражающий треугольник. Не фабричный — вырезали из ленты и пришили дома, чтобы ребёнка было заметнее на дороге.

Он повесил куртку на спинку стула. Поступок показался необходимым: нельзя было бросить её в общий шкаф, как ненужную вещь. Нина Павловна нашла номер отца, сообщила, что заберут позже.

В ожидании ответа Алексей перечитал свою запись. Она выглядела сухой, почти бедной по сравнению с тем, сколько времени заняла. Несколько жалоб, результаты осмотра, предпринятое, направление. Ни лица мальчика, ни руки отца, который не мог отпустить. И так должно было быть. Документ предназначался следующему врачу, а не для сохранения Алексеевой тревоги.

Он исправил неточность во времени, поставил подпись и закрыл карту. За окном тот же воробей или другой чистил перья. Алексей поймал себя на желании, чтобы это был тот же. Как будто повторение чего-нибудь спокойного могло помочь удержать хороший исход.

Новости пришли после шести. В районе диагноз уточнили, ребёнку оказывали необходимую помощь. Позднее хирург позвонил ещё раз. Сказал, что успели. Без длинной похвалы, без оценки Алексеевой жизни.

— Хорошо, что не оставили наблюдать дома.

Алексей ответил, убрал телефон и вышел на крыльцо. Ноги казались чужими. Он сел на нижнюю ступеньку, хотя ступенька была грязная, и несколько минут просто дышал.

Нина Павловна вынесла ему воду.

— Вы как?

— Нормально.

— Я вижу.

Он выпил залпом. Вода была тёплой, с привкусом пластика. Хотелось выпить ещё.

С улицы пахло пылью, нагретой травой и чем-то печёным. Возле забора рос лопух; на листе держалась крупная капля после недавнего дождя. Алексей смотрел на неё, пока ветер не качнул стебель. Капля сорвалась, и лист медленно поднялся.

Ему захотелось улыбнуться. Он ещё раз перечитал сообщение из больницы и убрал телефон.

Домой он шёл медленно. Позвонил матери, спросил, чем она занята, и слушал подробный рассказ о покупке картофеля. Не перебивал. Когда мать заметила, что у него хороший голос, сказал:

— Мальчика сегодня вовремя отправили.

Она не стала спрашивать, был ли это подвиг. Сказала, что рада. Этому ему хватило.

14. Хорошая молва

Отец Егора позвонил в субботу. Алексей возился с печью: накануне Геннадий показал, как открывается задвижка, которой он прежде не заметил. Теперь дрова наконец горели, дым уходил куда положено, а сам доктор сидел на полу, покрытый золой, и боялся что-нибудь испортить.

В трубке мужчина говорил слишком громко. Сыну стало лучше, жена оставалась рядом, врачи объяснили дальнейшее. Алексей слушал и пытался оттереть пальцы о тряпку, чтобы не испачкать экран.

— Нам сказали, если бы ещё...

Отец не договорил.

— Сейчас главное, что помощь оказана. Как Егор сам?

— Машинку попросил. Красную. А у нас синяя дома.

В этих сведениях было больше успокоения, чем в длинном описании показателей. Алексей улыбнулся.

— Значит, везите красную.

Мужчина засмеялся, потом спросил, сколько перевести. Алексей отказался. Тот предложил купить что-нибудь нужное, привезти стройматериалы, поговорить со знакомым в районе. Благодарность искала себе выход и всякий раз попадала в привычный расчёт: если помощь важна, она должна дорого стоить.

— Вы сейчас к нему едете?

— Да.

— Вот езжайте. Больше пока ничего не надо.

После разговора Алексей долго сидел перед печью. Огонь занялся ровнее, на обугленной поверхности полена проступили тонкие красные линии. В доме впервые стало не просто менее холодно, а тепло. Можно было не держать плечи поднятыми.

В понедельник на столе стоял пакет яблок. Отец Егора привёз рано, Нина Павловна приняла для всех сотрудников. Под пакетом лежала записка: «Спасибо за сына». Никакой фамилии.

Алексей хотел велеть забрать. Потом посмотрел на фельдшера: та уже отложила два яблока санитарке и поставила чайник. Приём подарка был для неё не намёком на цену, а обычным разделением хорошего.

— В следующий раз не берите, — сказал он.

Нина Павловна кивнула, не соглашаясь и не споря.

К обеду кто-то в коридоре узнал, откуда яблоки. К вечеру историю пересказывали уже с добавлением корзины, коньяка и «конвертика». Алексей услышал последнее случайно, выйдя к умывальнику. Женщина замолчала, затем быстро сказала:

— Да я не в плохом смысле. За такое надо.

Он объяснил, что конверта не было. Она охотно согласилась, но по её лицу было видно: это ничего не меняло. Хорошего врача следовало благодарить так, как она представляла благодарность, и его фактическое поведение являлось обстоятельством второстепенным.

В среду позвонил Вершинин. На этот раз спросил о работе раньше, чем о таблице.

Алексей рассказал про ребёнка. Сначала сдержанно, потом подробнее. Напомнил похожий случай из клиники. Услышал, как сам начинает говорить прежним голосом: быстрее, увереннее, с профессиональными сокращениями, которых в Глухове почти не использовал.

Вершинин слушал внимательно.

— Молодец, что не стал изображать возможности, которых там нет.

Алексей молчал. Он ждал похвалы за то, что увидел, решил, организовал. Получил похвалу за то, чего не сделал.

— Это иногда труднее, — добавил Вершинин, словно понял.

Потом спросил, сколько Алексей спит. Тот ответил уклончиво. Вершинин не засмеялся.

— Ты не путай нужность с бессрочным дежурством.

— Здесь людей нет.

— А ты сколько людей?

Разговор оборвался из-за плохой связи. Алексей некоторое время держал телефон у окна, потом убрал. Внутри осталось раздражение: оттуда легко говорить. Там смены, коллеги, операционные, которые не держатся на бинте вокруг дверцы шкафа.

Он вернулся к работе. Перед разговором с заведующей он открыл прошлую переписку с Вершининым. Там были сообщения, которые теперь выглядели удивительно лёгкими: «Посмотри график», «Файл не открывается», «Зайди завтра». Тогда Алексей тоже уставал, считал, что на нём слишком много, иногда мечтал сбежать от всего. Но у той усталости были адреса. Можно было пойти к одному человеку по поводу дежурства, к другому — по поводу исследования. В Глухове все дороги сходились к нему самому.

Он набрал наставнику ответ на недавний вопрос: «Я один». Посмотрел, стёр. Так можно было написать о любом месте и тем самым закрыть разговор. Вершинин уже спросил, сколько человек Алексей способен заменить, и честный ответ был неприятнее жалобы.

Вечером написал заявку на недостающее, составил список вопросов для заведующей, приложил ночные вызовы. У документа был номер. Это немного успокаивало: жалоба, принявшая форму, казалась меньше похожей на слабость.

Ответ пришёл через два дня. Обращение рассмотрят. Вопросы будут проработаны. До решения попросили обеспечить непрерывность оказания помощи населению.

Алексей прочитал вслух последнее Нине Павловне. Та не подняла головы от журнала.

— Значит, пока по-старому.

— Почему мы это принимаем?

Она посмотрела на него устало.

— Я принимаю людей. С остальным у меня хуже получается.

К вечеру пришёл Пётр Семёныч. Говорил о том, что жители довольны, что из района благодарили, что вот бы вся молодёжь так относилась. Алексей показал ответ.

Председатель читал долго, шевеля губами. Вернул лист.

— Оно же не сразу. Вы пока потерпите. Уже видят, что человек работает.

Алексей не спросил, что изменится после того, как окончательно увидят. Через открытую дверь кто-то позвал его по имени-отчеству. Он встал, и Пётр Семёныч вслед сказал:

— У нас теперь свой доктор.

Фраза согрела. Только дома Алексей попробовал повторить её мысленно и обнаружил, что ударение можно поставить на любое из трёх слов. В зависимости от ударения получалось и признание, и обещание, и требование.

Он сел у окна. За месяц поле стало гуще; земля между всходами уже почти исчезла. По дальнему краю ползла синяя тень от облака. Она накрывала всё подряд, не задерживаясь ни на хорошем доме, ни на плохом.

Алексей достал телефон, хотел написать Вершинину, что понимает. Не написал. Слишком хотелось, чтобы однажды наставник сам признал: здесь всё иначе и старые предостережения не действуют.

На подоконнике лежало последнее яблоко. Он разрезал его отцовским ножом, заметил внутри маленькое тёмное пятно и аккуратно вырезал. Остальное было сладким. Он доел, вымыл нож и лёг, не сняв рабочий будильник на выходной.

15. Тридцать пять часов

В четверг в семь утра у амбулатории уже стояла машина с включённым двигателем. Водитель курил возле капота и торопил не словами, а всем телом: отступал, подходил, заглядывал в дверь.

На ферме рабочий упал с лестницы. Скорую вызвали, но ждали. Алексей взял сумку, попросил Нину Павловну предупредить очередь и поехал. Пока ехали, водитель рассказывал о неисправной лестнице. Она давно была плохая, все знали. Это «все знали» звучало почти как доказательство, что случившегося нельзя было предвидеть.

Передали пострадавшего бригаде к девяти. Алексей вернулся, не успел вымыть руки — в дверь просунули карту. Женщина просила только подпись. За ней мужчина хотел узнать, не вредно ли работать с больной спиной. Дальше шёл обычный приём, в котором каждый отдельный случай можно было назвать небольшим, а вместе они занимали всё время.

В час Алексей ел суп из кружки. Нина Павловна принесла из дома, предупредила, что горячий. Он обжёг язык, поставил и забыл. Через двадцать минут нашёл кружку холодной и выпил остаток почти залпом.

Днём нужно было связаться с районом по двум пациентам. Связь была хорошая, свободного врача не было. Алексей оставлял номер, перезванивал, открывал карты снова. Между звонками принял ребёнка с занозой и старика, который хотел показать шов. Старик здоровался каждый раз, когда входил, и Алексей дважды ответил так, будто видел его впервые.

К пяти Нина Павловна предложила закрывать.

— Я ещё записи закончу.

— Закончите завтра.

— Забуду подробности.

Она не спорила. Сама тоже осталась: нужно было пересчитать остатки, приготовить кабинет на утро. В половине восьмого ушла, оставив ему бутерброд и строгую записку: «Съесть».

Алексей съел. Потом позвонила женщина из Заречья. Не та, что упала: другая. С мужем стало плохо, экстренную службу вызвали, можно ли доктору пока приехать. Он уточнил обстоятельства и поехал на той же машине, которая утром стояла у амбулатории.

Ночь растянулась. Возвращение, короткая попытка лечь, новый звонок. На этот раз подросток обжёг руку. Алексей принял в перевязочной, связался с дежурным коллегой, организовал дальнейшее. Мать подростка плакала и обвиняла себя в том, что оставила кастрюлю не на той конфорке. Он слушал, отвечал, затем заметил: повторяет одну фразу в третий раз.

В четыре утра вернулся домой. На кровати лежала неубранная одежда. Сгрёб её на стул, сел, всё ещё держа телефон. Проснулся оттого, что тот выскользнул из пальцев. Прошло двадцать минут.

Сна больше не было. Тело проваливалось вниз, а мысли продолжали ходить по коридору, открывать карты, искать забытое. Алексей умылся, побрился холодной водой. На щеке осталось небольшое красное пятно: дважды провёл по одному месту.

В семь у дверей уже ждали.

Нина Павловна посмотрела на него и сразу велела садиться.

— Вы ночью где были?

Он рассказал. Коротко, без жалоб. Она взяла телефон, позвонила заведующей. Та была занята, обещала перезвонить. Позднее попросила «потихоньку закончить приём»: заменить сегодня нечем.

Алексей слышал разговор. Часть его хотела, чтобы Нина Павловна возмутилась сильнее. Другая заранее стыдилась предстоящего отказа: в коридоре люди, кто-то приехал далеко, у каждого своя причина не ждать.

Он открыл кабинет.

К полудню исчезло чувство голода. Потом и времени. Оставались отдельные действия: попросить повернуться, уточнить, записать, вымыть руки. Между ними появлялись короткие провалы. На секунду он переставал помнить, что собирался сказать, затем находил фразу, и внешне ничего не менялось.

Однажды назвал пациентку чужим именем. Извинился. Она обрадовалась: её приняли за женщину моложе. Алексей засмеялся вместе с ней и почувствовал ужас от того, что ошибка обернулась маленькой удачей.

Между пациентами Алексей обнаружил, что держит две карты сразу. Верхняя принадлежала женщине, уже ушедшей. Нижняя — мужчине, который сидел перед ним. Он остановился, убрал одну и проверил вторую заново.

— Запутались? — спросил мужчина без злости.

— Уточняю.

Алексей отложил ручку, вышел к раковине, умылся. Вода стекала за воротник. От прохлады стало легче; он вытер лицо и вернулся в кабинет.

На обратном пути увидел Нину Павловну у телефона. Та повторяла кому-то, что замена нужна сегодня. Не на следующей неделе, не после согласования — сегодня. От голоса, которым она это говорила, хотелось отвернуться: в нём было то, чего Алексей не мог позволить себе сам, — право на настойчивую просьбу.

Он вернулся в кабинет. Мужчина ждал, рассматривая плакат. Спросил, всё ли нормально. Алексей сказал да, затем поправился:

— Я устал. Сейчас внимательно ещё раз посмотрим.

Пациент кивнул. Не обиделся, не ушёл, не перестал доверять. Эта маленькая возможность сказать правду осталась незамеченной самим Алексеем: он уже позвал Нину Павловну сверить запись.

В два Нина Павловна закрыла дверь. Поставила перед ним чай, села напротив.

— Так нельзя.

— Двадцать минут, и последних закончим.

— Я не про сегодняшний день.

Он отвёл глаза. На чайной поверхности плавала маленькая пылинка. Снять её можно было ложкой, но ложка лежала слишком далеко.

Они договорились: плановый приём закончат, дальше только то, что нельзя отложить. Алексей написал объявление. Через полчаса кто-то оторвал его, потому что дверь открывалась и бумага мешала держаться за ручку.

К пяти разобрали очередь. Нина Павловна оставалась ещё час, потом должна была уйти: муж ждал, дома были свои дела, которых она никогда не перечисляла подробно. Алексей сказал, что допишет документы и ляжет в ординаторской. Домой идти не хотелось — слишком много отдельных действий между ним и сном.

Она принесла чистую простыню.

— Дверь закройте. Телефон пусть лежит, на срочное ответите. Остальных завтра.

Он кивнул. Сел на кушетку, снял халат и тут же снова надел: в комнате было прохладно. В коридоре хлопнула входная дверь. Он посмотрел на часы. Шесть вечера. С четверга, с семи утра, прошло тридцать пять часов, если не считать короткого сна с телефоном в руке.

Он успел подумать, что в клинике после такого нужно было бы передать смену. Здесь передавать было некому, и эта мысль уже не вызвала даже злости.

Алексей лёг. Под щекой простыня пахла стиральным порошком и утюгом. Где-то на улице ребёнок звал собаку, растягивая кличку на три слога. Он хотел снять ботинки, но для этого требовалось снова сесть.

Глаза закрылись раньше, чем решение было принято.

16. Люди без очереди

Сначала он услышал смех. Не голос, не слова, а короткий смех человека, заранее уверенного, что происходящее принадлежит ему.

Алексей открыл глаза. На мгновение решил, что находится в городской ординаторской и смеётся кто-то из знакомых. Потом увидел потолок с жёлтым пятном и вспомнил.

В коридоре стучали каблуки.

Он успел сесть, когда дверь распахнулась. Край ударился о стену; этот звук несколько секунд продолжал существовать отдельно от всего остального.

Круглов вошёл первым. Алексей вспомнил, что так и не запер входную дверь: собирался встать на минуту позже и сразу уснул. Ключ оставался на столе, возле недопитого чая. Теперь исправлять это было поздно. Круглов остановился посреди комнаты. В чистой куртке, пахнувшей машиной и дорогим табаком. Следом — сын, подросток в серой толстовке, прижимавший руку к груди. Рука была перевязана полотенцем. За ними появились двое: Василий и Саша. Алексей узнал обоих, однако имена не сразу соединились с лицами.

— Доктор, подъём.

Круглов произнёс весело. Не грубо, как мог бы кричать пьяный человек, а с хозяйской уверенностью. Ему казалось, что он удачно разряжает обстановку.

Алексей встал. Пол слегка качнулся, потом вернулся на место.

— Что случилось?

Сын открыл рот, но отец ответил раньше:

— Руку располосовал. В гараже. Глянь.

— Садитесь в кабинет. Сейчас посмотрю.

Алексей прошёл к раковине. Пока мыл руки, увидел отражение Круглова в маленьком зеркале: тот стоял за спиной, оглядывал помещение. Словно прикидывал, насколько здесь правильно расходуют его налоги.

Василий сел на край стула. Саша остался возле двери, руки в карманах. Подросток вошёл последним и остановился, не зная, на какой стул можно сесть.

— Илья, — сказал Круглов. — Чего ты.

Мальчик сел на кушетку.

Алексей попросил рассказать самому. Подросток объяснял быстро: возился в гараже, задел острый край, промыл, перевязали. Был напуган, но больше боялся отца, чем руки. На вопрос о времени назвал точнее, чем Круглов.

Алексей начал осмотр. Полотенце сняли осторожно. Немедленной угрозы он не увидел, но торопиться не собирался: нужно было оценить всё необходимое и решить дальнейшее. В голове тяжело, неровно двигались привычные вопросы.

Круглов стоял рядом.

— Ну?

— Сейчас.

— Ты чего там ищешь? Зашей, и поехали.

Алексей поднял глаза.

— Сначала осмотр. Потом скажу, что нужно.

Круглов усмехнулся и посмотрел на Василия. Тот улыбнулся в ответ. Не потому, что было смешно: на короткую секунду между ними требовалось подтвердить общий порядок вещей.

Илья потянулся за полотенцем. Алексей попросил не трогать.

— Я Нину Павловну вызову, — сказал он.

Круглов посмотрел на часы.

— Мы ждать ещё будем?

— Она рядом живёт. Мне нужна помощь.

— А сам чего? Не умеешь?

Алексей взял телефон. Вызов не прошёл. Попробовал снова. В другой день это заняло бы несколько секунд и не потребовало бы усилий; сейчас каждая попытка была отдельной работой, которую нужно было удержать от начала до конца.

Саша предложил сходить. Круглов остановил его взглядом.

— Доктор разберётся.

Илья тихо сказал, что подождёт. Отец велел не вмешиваться. Алексей положил телефон на стол и посмотрел на Круглова уже прямо.

— Я отработал больше суток. Мне нужно, чтобы вы не мешали. Сыну помощь будет оказана.

На слове «отработал» в нём появилась надежда: сейчас другой взрослый человек поймёт простое обстоятельство. Круглов услышал другое — попытку поставить условие.

— Все работают.

— Я не сравниваю.

— А зачем говоришь?

Василий перестал улыбаться. Саша повернул голову к коридору. Комната сделалась маленькой не из-за количества людей, а из-за того, что ни один не собирался освободить в ней место для другого.

Алексей снова подошёл к мальчику. Попросил пошевелить пальцами, уточнил ощущения, продолжил осмотр. Он ещё мог работать, если двигаться медленно, соблюдать порядок и не спорить. Но чужой голос постоянно вклинивался между вопросом и ответом.

— Вон в городе хирурги до утра режут, и ничего, — сказал Круглов.

Алексей не ответил.

— Я с главным поговорю. Он объяснит, как у вас тут устроено.

— Поговорите.

Слово вышло тише, чем Алексей хотел. Тем хуже: Круглову послышалось пренебрежение.

— Ты мне не тычь своим отдыхом.

— Я вас ни о чём таком не просил.

Илья зажмурился. Рана почти не беспокоила его в эту минуту; он следил за голосами и ждал, когда взрослые прекратят делать происходящее опасным.

Круглов подошёл ближе. Алексей почувствовал запах его табака, увидел маленькую сухую трещину на нижней губе. Эта незначительная подробность почему-то осталась в памяти точнее лица.

— Как вылечишь, так и поспишь, — сказал Круглов.

Он произнёс без крика. В этом было самое тяжёлое: не вспышка, не случайная грубость, а искренняя уверенность, что распоряжение вполне разумно.

Алексей посмотрел на стоявший возле стены телефон. До него было два шага. Можно было ещё раз позвонить, попросить коллегу, назвать происходящее своим именем. Вместо этого он повернулся к мальчику.

— Давайте продолжим.

Снаружи проехала машина. Её свет скользнул по стеклу, выделил пыль у рамы. Алексей вспомнил закрытый дом, кружку на столе, стул возле окна. Всё находилось в нескольких минутах ходьбы.

Илья кивнул с облегчением, приняв это за конец конфликта. Алексей тоже хотел так думать. На столе под ярким светом белела чистая салфетка; в самом её центре лежал маленький рыжий волосок. Он хотел убрать его, отвлёкся на вопрос и забыл, для чего поднял руку.

17. Минута сна

Илья смотрел на Алексея и всё время пытался угадать, больно ли будет дальше. Не задавал вопроса: отец стоял рядом, а перед ним нельзя было бояться без разрешения.

Алексей назвал несколько действий, которые предстояло выполнить, объяснил, что сейчас торопиться незачем. Голос звучал ровно. Снаружи по этому голосу ещё можно было принять его за отдохнувшего человека.

— Мне в районе уже говорили, — сказал Круглов. — Всё у вас по направлениям. Ничего сами не можете.

— Я пока никакого направления не выписал.

— Я вообще.

Это «вообще» означало, что спор не нуждается в ответах. Круглов рассказывал о знакомом, которого долго возили между больницами, о том, сколько денег уходит в систему, о собственном участии в ремонте школы. Алексей слушал, стараясь не слушать. Тема помощи сыну постепенно становилась поводом предъявить весь накопленный счёт.

Василий сидел у шкафа, уперев ладони в колени. Саша ходил по коридору, но не уходил далеко. Они не выглядели спутниками, специально приглашёнными для угрозы. Случайно оказались рядом, поехали вместе, вошли за более уверенным человеком. От этой обыкновенности в кабинете было не безопаснее.

Илья тихо попросил воды. Алексей показал на чистый стакан. Саша налил, подал мальчику, неловко пролил на рукав. Круглов раздражённо отодвинул мокрое полотенце.

— Сидишь как маленький.

Мальчик допил быстро. Алексей заметил у него на запястье след от резинки, старую царапину, маленькое светлое пятно. Эти подробности начали отделяться от осмотра и складываться в бесконечный ряд вещей, которые необходимо было запомнить. Он потерял нить, нашёл снова.

— Мне нужна Нина Павловна, — сказал он. — Я сейчас свяжусь.

Круглов резко двинулся к столу.

— Ты всё-таки издеваешься?

Алексей отступил, освобождая место. Круглов подвинулся следом.

— Если вам не нравится порядок, можно ехать в район. Я подготовлю сведения.

— Я сюда приехал.

— Вижу.

Слово получилось неудачным. Круглов выпрямился. Во взгляде мелькнуло то довольное внимание, с каким люди иногда обнаруживают у другого ошибку, позволяющую больше не сдерживаться.

— Что ты видишь?

Илья потянул отца за рукав здоровой рукой.

— Пап. Пожалуйста.

Круглов сбросил руку.

Алексей почувствовал, как помещение отдаляется. Не кружится — именно отступает, словно он смотрит на него через слишком длинную трубу. Нужно было сесть. Он сел на стул у кушетки и положил пальцы на край столешницы.

В городской клинике он видел уставших врачей. Видел, как люди после тяжёлой ночи ошибаются в простой фразе, забывают, куда положили ручку, сердятся на просьбу повторить. Тогда казалось: ещё несколько лет опыта, и появится способность держаться лучше. Теперь обнаруживалось, что опыт не заменяет сна; он только дольше скрывает, насколько сон уже необходим.

Алексей хотел произнести это вслух. Вместо целого объяснения сказал:

— Я должен передать осмотр коллеге.

Круглов рассмеялся.

— Кому? Здесь же ты один.

В этом он был прав. Именно правота, вырванная из всего остального, делала его голос таким невыносимым.

Телефон лежал экраном вверх. Алексей видел часы, пропущенный вызов от матери, значок почти разряженной батареи. До аппарата нужно было протянуть руку. Он протянул и остановился, не дотянувшись несколько сантиметров: Круглов снова что-то спрашивал.

Саша сказал, что можно доехать до Нины Павловны, это две минуты. Круглов велел стоять спокойно. Василий посмотрел на дверь и откинулся на спинку стула. Никто больше ничего не предложил.

Алексей опустил глаза на карту. Имя подростка было написано полностью. Отчество отцовское, такое же весомое, как присутствие человека рядом. Дата рождения показалась неправильной. Он пересчитал возраст и понял, что всё верно, просто мальчик ещё совсем молод.

— Илья, вы...

Он не закончил вопрос. На мгновение перед глазами возникло окно в дальней комнате. Поле, полоска ив. Очень ясно, почти с ощущением прохладного стекла под ладонью. Затем услышал шум воды, хотя кран был закрыт.

Голова опустилась.

Он не успел даже опустить руку на стол. Последнее, что видел, — белый край карты; потом и он исчез.

Ему вспомнилось одно утро с Катей. Она просила не садиться за руль после дежурства, он отвечал, что до дома десять минут. Тогда они поссорились из-за интонации, из-за её слов «ты себя не слышишь», и важное осталось за спором. Сейчас смысл вернулся без спора: он действительно уже плохо слышал собственное состояние. Сигналы были ясными, но каждый можно было переименовать — в усталость, которую надо преодолеть, в долг, в неудобство перед людьми.

Воспоминание мелькнуло и погасло. Алексей не успел сделать из него вывода. Чужие голоса отодвинулись, оставив после себя только ощущение, что он должен ответить немедленно и уже не знает как.

Он ещё слышал голоса. Круглов спрашивал, что происходит. Илья отвечал: «Он устал». Кто-то — кажется, Саша — сказал, что надо подождать. Голос Василия произнёс что-то неразборчивое.

Алексее казалось, что он отвечает им. Объясняет, что через минуту встанет, что нужно позвонить, что нельзя сейчас так близко стоять. На самом деле губы почти не двигались.

Он провалился в короткий сон без образов. Не успел увидеть ни города, ни отца, ни собственной комнаты. Мир просто выключился, оставив на поверхности только руку, лежавшую на столе.

Круглов посмотрел на сына. Мальчик тоже смотрел на него, и в этом взгляде было ожидание самого простого поступка: дать человеку проснуться, позвать другого взрослого, уехать. Круглов не увидел просьбы. Увидел, что при свидетелях его заставили ждать.

Он повторил:

— Ты спишь?

Алексей не ответил.

Саша сделал шаг от двери. Остановился. Василий поднялся со стула, ещё не зная, что сейчас сделает. Молчание в кабинете стало тем коротким промежутком, в котором у каждого оставалась возможность назвать происходящее неправильным.

Не назвал никто.

18. Пол

Первый удар не сразу стал болью. Сначала был звук, резкий, близкий, как хлопок по пустой коробке. Алексей открыл глаза и увидел светильник не там, где тот должен был находиться.

Кто-то держал его за одежду.

— Я тебе говорю.

Он пытался понять, кому адресованы слова. Вопрос о руке мальчика ещё не закончился в голове. Нужно было вернуть кисть на салфетку, посмотреть, что с пальцами, вызвать Нину Павловну. Алексей поднял руку, но её оттолкнули.

Затем стул ушёл из-под него.

На полу оказалось холодно. Плечо ударилось о ножку, во рту появился вкус крови. Он слышал собственный вдох — короткий, нелепый. Никакого подходящего слова для этого звука не было.

Круглов стоял над ним.

— Будешь знать.

Алексей хотел сказать, что это больница. Самое бессмысленное из возможных возражений: место уже ничего не гарантировало. Слова вышли смазанными.

Кто-то схватил его за плечо. Тогда ему показалось, что помогают подняться. Он попробовал опереться, и хватка стала крепче. Не дали ни встать, ни удобно повернуться. Позднее этот момент будет возвращаться чаще самих ударов: короткая надежда на чужую помощь, которую он успел принять за действительность.

Илья закричал.

— Пап, хватит!

Круглов оттолкнул сына. Не сильно, почти не глядя. Мальчик задел край кушетки, снова подался вперёд. Саша перехватил его за локоть.

— Не лезь.

Эти слова Алексей услышал ясно. Они были сказаны не жестоко, а деловито, как можно было бы остановить ребёнка возле работающего инструмента. На одну секунду стало очевидно: взрослые здесь заняты чем-то своим, а вмешательство только мешает.

Он пытался закрыть голову. Халат натянулся на спине, пуговица больно упёрлась в бок. Рука скользила по гладкому полу. Совсем рядом лежала старая скрепка, распрямлённая с одного конца. Алексей смотрел на неё, потому что больше смотреть было некуда.

В детстве он думал, что в минуту опасности человек обязательно вспоминает самое важное. Теперь вспоминалось, что нужно было давно вынести под шкаф. Нина Павловна одна не успевала. Он мог помочь, но всё время находилось другое.

— Вы что...

Он не закончил. Слюна мешала говорить, губа онемела. Не хотелось умолять. Не хотелось, чтобы мальчик это слышал. Само нежелание стало ещё одной бесполезной работой, которую приходилось выполнять на полу.

Василий что-то сказал Круглову. Тот обернулся, ответил резко. Хватка на плече ослабла, Алексей попытался отодвинуться. Пространство не расширилось: шкаф, стул, ноги. У каждого предмета было твёрдое место, только для него места больше не находилось.

Он перестал считать движения. Попробовал сосредоточиться на дыхании. Удар, пауза. Голос, ещё голос. В коридоре зазвонил телефон; короткая знакомая мелодия прозвучала так неуместно, что Алексей едва не рассмеялся. Наверное, мать. Наверное, спросит, как работа.

Телефон замолчал.

Илья плакал уже без слов. Это было слышно по сбившемуся дыханию. Алексей хотел, чтобы его вывели. Не потому, что стыдился, — хотя стыдился тоже, — а потому, что в комнате оставалось хотя бы одно повреждение, которое ещё можно было прекратить.

Саша сказал:

— Коля. Всё.

Илья сказал это громче. Круглов тяжело выдохнул, поправил куртку.

— Алкаш. На работе спит.

Слова уже готовили объяснение. Алексей понял это с пугающей ясностью: ещё до того, как он сможет встать, у случившегося появится версия, в которой его можно будет не жалеть.

Круглов поднял полотенце. Велел сыну идти. Илья смотрел на Алексея и не двигался. Отец повторил громче.

Кто-то поставил на стол упавший стакан. Кто-то выключил лампу. Маленькие хозяйственные действия вдруг окружили насилие, придали ему вид завершённого посещения. Как будто осталось только убедиться, что ничего не забыли.

Алексей слышал шаги. Последним у двери задержался Саша.

— Ты...

Пауза.

Алексей ждал продолжения. Хотя бы вопроса. Хотя бы воды.

Дверь закрылась.

Некоторое время он лежал, различая звуки машины снаружи. Хлопок, двигатель, ещё один хлопок. Потом шорох шин и тишина. Деревня не перестала жить: за забором переговаривались, где-то лаяла собака. Просто ни один из этих звуков не предполагал, что нужно войти.

Он попытался подняться на локте. Голова ответила тяжёлым толчком. Перед глазами потемнело, и он снова опустился. Нужно было вызвать помощь. Телефон находился на столе. Стол оказался высотой с целую стену.

Алексей пополз к ножке. Держался за неё, попробовал подтянуться. Рука сорвалась. Боль пришла сразу во все места, которые до этого существовали отдельно.

У самого пола пахло хлорным средством, старой древесиной и пылью. Днём он не замечал этого запаха: жил выше, у стола, на уровне чужих лиц. Теперь видел изнанку шкафа, следы колёс от передвинутой кушетки, тёмную нитку, приставшую к плинтусу. Кабинет оказался другим помещением, не предназначенным для врача.

На стене висел лист с правилами для посетителей. Нижний угол был виден между ножкой стула и ведром. Алексей мог прочесть обрывок: «...уважительно относиться...» Он закрыл глаза раньше, чем закончил. Не было сил ни на горькую усмешку, ни на вывод, который позднее сам напросится в память.

Он лёг на бок. Закрыл глаза. Не для сна: хотел, чтобы перестала двигаться комната.

На мгновение показалось, что его зовут по имени. Не по имени-отчеству, не «доктор», а просто Лёша. Он узнал голос, хотя не мог бы сказать чей. Попробовал ответить. Вместо ответа вышел негромкий стон.

Свет в коридоре проникал под дверь узкой полосой. Алексей смотрел на неё, пока не исчезла разница между тем, что он видит, и тем, что только помнит.

Потом не стало и полосы.

19. Утро чужого лица

Очнулся он от холода. Щека лежала на полу, одна рука затекла под грудь. Вначале казалось, что прошло несколько минут. Потом увидел окно: за матовым стеклом было бело.

Он не помнил, как оказался на другом боку. Не знал, сколько лежал без сознания и сколько спал. Голова болела так, будто боль занимала всё пространство черепа и не оставляла места для последовательной мысли.

Вставал долго. Сначала на четвереньки, затем опираясь на стул. Мир наклонялся вместе с ним. На полу оставалось пятно, которое он не хотел рассматривать. Возле шкафа валялась кепка — не его. Алексей смотрел на неё с тупым удивлением: кто-то что-то забыл.

У раковины нашёл зеркало.

Сначала увидел только один глаз. Второй заплыл. Под губой засохла кровь, на щеке шла тёмная полоса, волосы слиплись у виска. Он узнал себя не сразу, и от этого испугался сильнее, чем от боли.

Наклонился ближе. Человек в зеркале тоже наклонился. Несомненное сходство движений оставалось единственным доказательством, что это он.

Алексей открыл кран. Вода побежала холодная, затем стала едва тёплой. Он подставил ладонь, осторожно коснулся лица. Боль от прикосновения была ясной, местной. Её оказалось легче переносить, чем общее ощущение, что случившееся невозможно убрать водой.

На столе лежал телефон. Заряд закончился. Подключил к розетке, ждал, пока появится знак. Из коридора донёсся скрип входной двери.

Нина Павловна остановилась на пороге.

Он увидел, как изменилось её лицо. Не испугалась напояк, не всплеснула руками. Просто исчезло всё необязательное.

— Сядьте.

— Я сейчас...

— Алексей. Сядьте.

Она вызвала помощь, задала вопросы, оценила состояние. Голос был низкий и сердитый. Алексей отвечал, стараясь произносить слова нормально. Почему-то больше всего боялся показаться пьяным: чужое объяснение уже успело поселиться в нём.

— Кто?

Он назвал.

Нина Павловна закрыла глаза на секунду. Потом продолжила то, что нужно было делать. Не стала спрашивать, зачем он спорил и почему не ушёл. Позднее Алексей поймёт, какое облегчение было в отсутствии этих вопросов.

В коридоре появились люди. Сначала Антонина Ильинична, затем мужчина с документами, ещё двое. Они не знали, что приёма не будет. Нина Павловна вышла, коротко объяснила, попросила разойтись.

Никто не закричал. От этого было хуже. Алексей слышал приглушённые голоса, маленькие паузы, осторожное «что же это». Люди переводили событие в разговор, прежде чем он сам успел осознать, что с ним произошло.

Кто-то заглянул через стекло. Алексей отвернулся. Движение отдало болью в шею.

Ему захотелось извиниться перед очередью. Мысль была чудовищно нелепой, но упорной: люди пришли, не получили помощи, значит, он опять не справился. Нина Павловна принесла его куртку и не дала встать без поддержки.

У машины стояло несколько человек. Один предложил помочь, потом отступил, когда медики сказали, что справятся. Старуха перекрестилась. Алексей смотрел на серую землю у порога и старался не узнавать обувь.

В районе его осмотрели. Провели необходимое обследование, оставили под наблюдением. Дежурный врач назвал повреждения, спросил об обстоятельствах. Алексей повторил. Произнести фамилию оказалось труднее всего: называя виновника, он как будто подтверждал, что насилие произошло не с кем-то безымянным, а с ним самим.

В палате напротив лежал мужчина после операции. Он увидел халат в Алексеевой сумке и спросил, тоже ли тот медик.

Алексей кивнул. Сосед оживился, начал показывать выписку, жаловаться на ночные боли, спрашивать, всё ли правильно делают. Алексей взял лист, прочитал первую строку и вдруг вернул.

— Я сейчас не могу. Спросите лечащего, пожалуйста.

Мужчина удивился, затем извинился. Убрал бумаги. Несколько минут Алексей ждал продолжения: упрёка, обиды, привычного «вы же доктор». Продолжения не было. Сосед достал телефон и написал кому-то сообщение.

Позднее к нему подошла медсестра, оставила чистую наволочку. Спросила, есть ли вещи на смену. Алексей ответил, что нет. Она сказала, где можно попросить, и пошла дальше, не превращая его нужду в большое событие.

Он долго смотрел на наволочку. Белая, грубоватая ткань, складка посередине, больничная отметка у шва. Всё, что требовалось, — взять и воспользоваться. Не отблагодарить сверх положенного, не объяснить, почему оказался здесь без вещей.

К вечеру Алексей всё-таки попросил помочь. Произнёс короткую фразу санитарке, получил нужное. Никакого унижения не произошло. Унижение оставалось в другом месте, с другими людьми, и от принятой помощи не становилось ни больше, ни меньше.

Это различие удавалось удерживать недолго. Как только в коридоре слышались мужские голоса, он снова прислушивался, напрягал плечи, ждал. Но несколько спокойных минут уже случились, и отменить их задним числом было нельзя.

Заявление написал позже, когда смог дольше сидеть. Рука дрожала. Первый лист испортил: начал объяснять, сколько работал и почему заснул. На втором описал действия, которые помнил. Не оправдания, а события.

Врач помог получить медицинские документы. Медсестра спросила, есть ли родственники. Алексей назвал мать, затем попросил пока не звонить. Та посмотрела внимательно, но спорить не стала.

Поздно вечером он всё-таки набрал её номер. Не решился сказать. Объяснил, что остаётся в районе по работе, связь будет плохая. Мать спросила, не заболел ли он.

— Устал.

После разговора стало стыдно. Лгать ей ради того, чтобы уберечь, оказалось почти неотличимо от лжи ради собственного достоинства. Он лежал, слушая шаги в коридоре, и не находил сил позвонить снова.

Ночью в палату заглянул санитар. Обычный незнакомый человек, проверил окно, поправил занавеску. Прежде чем выйти, спросил, принести ли воды.

Алексей кивнул.

Стакан стоял на тумбочке. В нём отражался верхний свет. Он пил мелкими глотками, стараясь не задеть губу, и вдруг понял, что всё это время ждал именно такого вопроса. Не как избили. Не за что. Не что теперь будет. Есть ли вода.

От понимания стало так тяжело, что он повернулся к стене и дождался, пока санитар уйдёт. Только после этого позволил лицу сморщиться от слёз.

20. Хлеб

Из района его выписали через несколько дней. Врач объяснил дальнейшее наблюдение, ограничения и признаки, при которых нужно обращаться без промедления. Алексей слушал внимательно, хотя многое знал сам. Теперь собственное знание казалось ненадёжным: слишком легко было подчинить его желанию поскорее оказаться вне чужого взгляда.

За ним приехал Пётр Семёныч. Алексей сначала хотел отказаться, потом посмотрел на тяжёлую сумку и согласился.

Машина пахла картофелем, пылью и сладким освежителем. Председатель ехал осторожно, объезжал ямы, всякий раз предупреждал: «Тут». На хорошем участке долго не говорил.

— Нехорошо вышло, — наконец произнёс он.

Алексей смотрел в окно.

— Я с Николаем разговаривал.

Председатель подождал. Не получив вопроса, продолжил:

— Он за сына. Нервы. Сам не свой был.

Алексей повернулся. Пётр Семёныч сразу поднял ладонь, не отрывая второй от руля.

— Я не оправдываю. Боже сохрани.

— А что делаете?

Председатель начал объяснять, потом остановился. Поворот прошли молча. За стеклом тянулось поле; молодая рожь стала выше, цвет изменился на тёмный, прохладный. Среди ровных всходов белела широкая колея, где долго стояла вода.

— Вам сейчас надо поправиться, — сказал Пётр Семёныч.

Алексей не спросил, после какого полного выздоровления с ним можно будет поговорить иначе.

Дома было душно. Пока он отсутствовал, потеплело; закрытые комнаты сохранили влагу и запах старого дерева. На столе стояла кастрюля, забытая перед вызовом. Алексей открыл, тут же закрыл и вынес во двор.

Пётр Семёныч предложил помочь. Он отказался. В благодарности председателю за дорогу смешивалось столько злости, что любое следующее добро казалось дополнительной обязанностью молчать.

— Если что, звоните.

— Хорошо.

Калитка скрипнула. Машина ушла.

Сначала Алексей сел на кровать и решил никуда не идти. Через час встал: голод напомнил о себе с такой простотой, что стало немного легче. Нужно было купить хлеб, яйца, что-нибудь, что можно разогреть без долгой готовки.

Деньги лежали в кармане куртки. Он пересчитал. На карте оставалось чуть больше, но к вечеру должен был пройти городской платёж, и трогать остаток не хотелось. Первая нормальная выплата ещё не пришла. Подъёмные тоже существовали пока в виде обещания и подписанных бумаг.

До магазина было пять минут. Алексей шёл дольше. На солнце кружилась голова, приходилось останавливаться. У колонки женщина наполняла ведро, заметила его, спросила, выпи-сали ли. Он кивнул. Она сказала: «Ну и слава богу» — и вернулась к крану.

На магазине висела бумага: «Учёт».

Алексей потянул дверь. Заперто. Внутри кто-то ходил между полками, отодвигал ящики. Он постучал негромко.

К стеклу подошла Зоя Круглова. На ней был фартук с яркой рекламной надписью. Посмотрела на Алексея, затем на бумагу, которую он тоже видел.

— Закрыто.

— Хлеб можно?

— Учёт.

— Мне только...

Он остановился. Голос звучал просительно, и это оказалось хуже самого отказа.

Зоя приподняла плечи, вернулась к прилавку. В глубине магазина сидела Марина, что-то записывала в тетрадь. Она не подняла головы.

Алексей ещё несколько секунд стоял у двери. Ему хотелось убедиться, что причина действительно в учёте. Найти правило, по которому отказ касается всех, а значит, не имеет отношения к его лицу. Потом заметил, что мужчина с крыльца смотрит на него слишком внимательно, и пошёл.

Маленький ларёк у остановки не работал. На ставне висел выцветший замок, под ним застряла прошлогодняя листовка. Алексей обошёл, прочитал расписание. Ни одна строчка не объясняла, когда здесь откроют.

У остановки прошла знакомая женщина с двумя пакетами. Узнала, притормозила.

— Вам бы покушать нормально. После больницы надо.

Он хотел попросить хлеба. Одно обыкновенное слово, ничего невозможного. Женщина стояла рядом, из пакета выглядывал длинный батон. Алексей уже открыл рот, но она продолжила рассказывать о родственнике, который после травмы долго не вставал. Совет занял несколько минут. Еда оставалась в её пакете чужой, купленной домой, и он так и не нашёл способа перейти от разговора о питании к просьбе поесть.

Она ушла, пожелав беречь себя. Алексей смотрел ей вслед без злости. Чужая растерянность легко принимает форму полезного совета. Он и сам делал так сотни раз: объяснял человеку, что нужно, не проверяя, есть ли у него возможность это получить.

На обратном пути зашёл к амбулатории. Нина Павловна была в районе, на согласованном приёме по своим делам. На двери висело объявление с её номером. Алексей увидел собственную фамилию в строке о временной нетрудоспособности. Слово было длинным, безличным, ничего не сообщало о полу и чужом ботинке.

Он не позвонил. Не хотел, чтобы Нина Павловна среди своих забот искала ему еду. Это объяснение выглядело благородно и удобно скрывало стыд.

Дома нашёл пакет, с которым приехал в Глухово. На дне лежала половина батона. Корка затвердела, но плесени не было. Он долго рассматривал, потом срезал край, разломил мякиш и поставил воду.

Пока чайник нагревался, хлеб становился мягче от его пальцев. Алексей понял, что собирается съесть всё сразу, и насильно отложил половину. Непонятно было зачем: завтра магазин, наверное, откроют. Но слово «наверное» за несколько дней потеряло прежнюю надёжность.

Он сел у окна. Поле лежало в солнце, за межой качались белые цветы. Соседская кошка шла вдоль забора, осторожно выбирая, куда поставить лапы. Всё выглядело так, будто он отсутствовал не несколько дней, а целую жизнь, которая никому здесь не понадобилась.

Чай был слишком горячим для повреждённой губы. Алексей ждал, ломал хлеб на мелкие кусочки. Телефон лежал рядом. Можно было позвонить матери, товарищу, кому-нибудь из прежнего отделения. Сказать прямо: мне плохо, я не справляюсь, мне нужна помощь.

Он придвинул телефон, включил экран. Там сохранялось её последнее сообщение: «Как у тебя сегодня?»

Алексей набрал: «Дома. Отдыхаю». Посмотрел на хлеб, стёр второе слово. Отправил только первое.

21. Железная вода

Утром он обнаружил, что в ведре пусто. Наклонил сильнее, по дну прошла тонкая струйка и исчезла в ржавом пятне возле шва. Пока он лежал в больнице, ведро потекло. Прежде стояло целое или тоже текло, но медленнее, — Алексей не помнил.

Пришлось искать другую посуду. В сених нашёл пластиковую канистру. Пахла чем-то сладким и химическим. Он понюхал ещё раз, поставил обратно. Большая кастрюля осталась во дворе после вчерашней уборки. Алексей вымыл её остатками воды из чайника и понёс к колонке.

Небо затянуло, но дождя не было. Сухой ветер гнал по дороге мелкую пыль. В кювете белели срезанные стебли, за заборами капуста стояла в сизом налёте, и на каждом листе у самой земли лежал круг грязи. Женщина напротив подвизывала помидоры. Увидела Алексея, выпрямилась, спросила, как здоровье.

Он ответил. Женщина покачала головой.

— Отдыхать вам надо.

Он поднял кастрюлю, хотел пошутить про санаторий. Не нашёл интонации, при которой шутка не прозвучала бы упрёком, и пошёл дальше.

У колонки лежал перевернутый ящик. Раньше он его не замечал. Поставил кастрюлю сверху, нажал на рычаг. Труба сначала вздохнула, потом выплюнула мутную воду. Нужно было подождать, пока станет прозрачной.

Голова заболела от наклона. Алексей выпрямился, удерживая рычаг ладонью. С дороги открывался вид на магазин. Дверь была открыта. Он мог бы оставить кастрюлю и сходить за хлебом, но у крыльца стоял Круглов.

Тот разговаривал с человеком возле машины. Поворачивался чуть боком, придерживал открытую дверцу. На нём была другая куртка, светлая. В позе не было ни напряжения, ни ожидания неприятностей. Он занимался своим утром.

Алексей отпустил рычаг. Поток оборвался. Круглов засмеялся, мужчина рядом тоже. Отсюда слов не было слышно, и воображение немедленно подставило самые худшие.

Алексей дождался, пока они сядут. Машина поехала прямо мимо. Через боковое стекло на секунду стало видно лицо Круглова. Тот посмотрел вперёд, затем в зеркало. Увидел ли Алексея — непонятно. Ничего не произошло, и именно это вызвало приступ такой ярости, что пришлось поставить кастрюлю на землю.

Ночью в кабинете от него требовали проснуться. Теперь человек, который бил его, ехал по той же улице, и никто не останавливал движение, не выходил спросить, как так можно. Алексей знал, что мир не обязан реагировать мгновенно. Но знание было написано где-то отдельно, на языке, которого тело больше не понимало.

Он снова нажал на рычаг. Вода пошла чистая. Захотелось пить так сильно, что закружилась голова. Кружку оставил дома. Наклонился к струе, подставил ладонь и не смог удержать: вода разлеталась между пальцами, попадала на рукав. Попробовал обеими руками. Удар холодного о повреждённую губу был резким и простым.

Пил, опираясь плечом о трубу. Слышал, как на дороге остановились шаги. Хотел выпрямиться, но прежде пришлось проглотить, вытереть подбородок, отдышаться. Эта короткая задержка показалась ему ужасной: другие уже смотрели, а он ещё не успел снова стать человеком, который не нуждается в жалости.

— Не надо так, — сказала Антонина Ильинична.

Она стояла в своём синем пальто, хотя было тепло. В руках держала небольшую сумку.

— Почему?

— Горло застудите. Вы же знаете.

Алексей посмотрел на неё. На лице была забота, настоящая, но направленная на ту неприятность, которую она умела себе представить. Горло. Простуда. Сквозняк. Для остального у неё не находилось привычного названия.

— Уже не застудил.

Старуха помолчала. Затем спросила, когда он будет принимать. Спыхватилась, не договорив:

— Я не тороплю. Просто таблетки...

Он объяснил, где лежит её памятка и к кому обратиться до его возвращения. Говорил автоматически, как раньше. Антонина Ильинична слушала, потом полезла в сумку.

— У меня тут сахар.

Два кусочка, завернутые в бумагу. Он узнал свёрток или решил, что узнал. В первый день отказался, а она быстро убрала, с облегчением.

Теперь взял.

— Спасибо.

Антонина Ильинична посмотрела ему в лицо и почему-то испугалась. Начала говорить, что сахар хороший, не сырой, что в сумке всегда чисто. Алексей положил свёрток в карман, поблагодарил ещё раз. Ему хотелось, чтобы она перестала оправдываться за своё маленькое добро.

Старуха ушла. Кастрюля наполнилась почти доверху. Поднять её оказалось легко, нести — трудно: вода раскачивалась, приходилось держать обеими руками перед животом. Через несколько домов он остановился, поставил на пень. На поверхности дрожало отражение проводов.

В окно напротив кто-то отдернул занавеску. Алексей поднял голову. Ткань тут же опустилась. Он не знал, наблюдали за ним или просто открывали окно. Теперь любая случайность получала смысл, которого раньше он бы не заметил.

Дома поставил воду возле плиты, вытер руки. Во рту сохранялся привкус железа. Отломил край чёрствого хлеба, намочил, подождал. Сахар оставил на столе, рядом со свёрнутой запиской про шапку.

Ему вдруг стало страшно, что вся дальнейшая жизнь сложится из таких предметов: подарок, который стыдно принять, записка, которой больше нельзя доверять, еда, которую делишь не по голоду, а по страху перед завтрашним днём.

Он сел у окна. Бок ныл, пришлось подложить под локоть свёрнутое полотенце. Врач предупреждал, что восстановление потребует времени; Алексей вспомнил это и всё-таки оставил воду в сенях.

Днём позвонила Нина Павловна. Спросила, как добрался, что дома. Алексей сказал про ведро. Не про магазин, не про колонку, только про ведро. Она пообещала найти другое.

— Вы хоть едите?

Он посмотрел на хлеб.

— Да.

После паузы добавил:

— Плохо. Нужно купить.

Это была небольшая часть правды, но она всё-таки вышла наружу. Нина Павловна сказала, что вечером зайдёт. Он начал отказываться, остановился и ответил: хорошо.

22. Половина ставки

Вечером Нина Павловна принесла суп в банке и ведро. Ведро было старое, с двумя аккуратными латками на дне. Она поставила его на крыльцо, налила воды из ковша и некоторое время проверяла, не течёт ли.

Алексей стоял рядом. Не пытался помочь: уже понял, что сейчас это будет только мешать.

— Гена залатал, — сказала она. — У него железо хорошее.

Он хотел спросить, знает ли Геннадий о нападении. Не спросил. В деревне, где сообщение успевало дойти до человека раньше него самого, такая осторожность выглядела почти просьбой сохранить последнюю неизвестность.

Суп пришлось есть при ней. Нина Павловна села у окна, рассказала о поездке в район, о пропавших анализах, о том, как муж опять забыл купить хлеб именно тогда, когда она попросила особенно. Говорила нарочно обыкновенно. Алексей был ей благодарен и сердился, что чувствует благодарность за право не обсуждать своё лицо.

Уходя, она сказала, что завтра зайдёт председатель.

— Зачем?

— Бумаги принести.

— Какие?

Она поправила платок.

— Он лучше сам.

Пётр Семёныч пришёл на следующий день после обеда. На этот раз без продуктов, с папкой. Остановился в сенях, как будто боялся, что дом узнает его и предъявит отдельный счёт.

Алексей предложил сесть. Председатель выбрал стул у двери.

Начал с погоды. Дождя не хватало, растения на песчаных местах уже подгорали. Потом спросил про лечение. Затем открыл папку и разложил листы так осторожно, словно от порядка зависело их содержание.

— По амбулатории изменения.

Алексей взял верхний.

В тексте были слова о штатном расписании, нагрузке, пересмотре объёма хирургического приёма. Ни одной фамилии Круглова. Ни одной ночи, после которой следовало бы уменьшить нагрузку. Всё выглядело отдельным хозяйственным решением, давно начавшим путь по кабинетам.

— Полставки? — спросил Алексей.

Пётр Семёныч кивнул.

— Пока так предлагают. По хирургии показатели небольшие.

— Я здесь месяц.

— Там за период считают. Ещё до вас.

— До меня не было хирурга. Вы же сами искали.

Председатель разгладил пустую обложку папки.

— Ищут одно, финансируют другое. Вы знаете как.

Алексей не знал. Точнее, знал достаточно, чтобы не принимать это за ответ, и слишком мало, чтобы немедленно назвать нужного человека.

— Кто решил?

Пётр Семёныч показал подпись. Добавил, что сам только передаёт. В голосе появилось облегчение: нашёлся предел, за которым его уже нельзя было считать участником.

Алексей дочитал. Один лист предлагали вернуть с подписью об ознакомлении, другой касался будущих условий. Он отложил оба.

— Я сначала разберусь.

— Конечно. Никто ж не заставляет. Просто сроки там.

— Какие?

Председатель стал искать, где написано. В результате выяснилось, что часть сроков он помнил со слов, а в комплекте не хватало приложения. Алексей попросил передать, чтобы прислали полностью и объяснили письменно. Пётр Семёныч записал, хотя выглядел так, будто доктор осложняет простое дело.

— А люди куда? — спросил Алексей.

— Помощь останется.

— Чья?

— Будут организовывать.

— До часу я хирург на половину. После часу кто?

Председатель вздохнул.

— Мы же не можем так буквально. Если человек придёт...

Алексей положил ладонь на лист. Пальцы всё ещё чуть дрожали, и ему пришлось прижать их к столу.

— Значит, буквально будет только сумма.

Пётр Семёныч поднял глаза. Спорить не стал. Посидел ещё немного, сказал, что не всё зависит от него, забрал один экземпляр и ушёл.

В доме сохранился запах его табака. Алексей открыл форточку, хотя на улице стало холодно. Посмотрел на цифры, потом открыл приложение банка. Остаток на счёте был мал. Городской платёж прошёл, ещё несколько списаний он пропустил, пока лежал в больнице. Нужно было разобраться, остановить ненужное. Отдельного запаса, который мог бы защитить хотя бы на два месяца, уже не оказалось.

Он позвонил в бухгалтерию. Там говорили быстрее, чем он успевал уточнять. Первая выплата — за фактически отработанное, часть начислений ожидает подтверждения, подъёмные идут отдельно. По будущей нагрузке — к кадровикам. Кадровики отправили к заместителю, заместитель был на совещании.

С каждым разговором положение становилось формально понятнее и практически неразрешимее. Все называли правильную часть большого механизма. Ни одна часть не принимала человека целиком.

Алексей достал договор, положил рядом с новыми листами. Читал медленно, отмечал карандашом. Не хотел больше звонить и спрашивать, как правильно понять сказанное устно. Хотел иметь текст, который не изменится после разговора.

Вечером мать предложила перевести денег. Он не просил, она сама услышала по паузам. Алексей почти отказался. Потом посмотрел на ведро с латками.

— Немного, — сказал он.

Мать спросила сколько. Он назвал сумму меньше необходимой. Она перевела больше. Ничего не сказала о гордости, не потребовала рассказа взамен. От этого ему стало легче и больше одновременно.

Он купил в магазине крупу, яйца и хлеб. На этот раз дверь была открыта, Зоя молча пробила покупки. Алексей расплатился, забрал сдачу. Ни победы, ни нового оскорбления не произошло. Просто получилось поесть.

Дома съел два яйца с хлебом. Бумаги лежали на другом краю стола, и он всё время поглядывал на них. Прежде ему казалось, что нужность защищает. Если людей много, если работа видна, если без него некому — значит, у него есть место.

Теперь место пересчитали на бумаге. Половина должности, целый поток больных, ни одного человека, готового назвать вслух разницу.

23. Первая карта

В амбулаторию он вернулся в понедельник. Нетрудоспособность закончилась, дальнейшее наблюдение было согласовано, но тело ещё не поверило ни одному документу. Стоило быстро повернуть голову — внутри тяжело откликалось. Алексей шёл медленно и раздражался на каждый собственный осторожный шаг.

Возле дверей стояли люди. При его появлении несколько человек замолчали. Женщина, которую он узнал по воспалённому пальцу, улыбнулась сочувственно и тут же перестала: не поняла, прилично ли улыбаться.

— С выздоровлением, — сказал кто-то.

Алексей поблагодарил. Пока отпирал кабинет, ключ звякнул о замок. Звук показался громче голосов.

Внутри всё стояло на прежнем месте. Стул, с которого он упал, Нина Павловна убрала к стене. Вместо него принесла другой. Пол был вымыт, пятен не осталось. От чистоты стало не легче: собственная память выглядела теперь единственной неисправностью помещения.

На столе лежали карты. Верхняя принадлежала Антонине Ильиничне. Алексей перевернул, потом вернул обратно. Нельзя было выбирать начало по тому, какое лицо легче выдержать.

Нина Павловна принесла чай.

— Без спешки. Я время людям сказала.

— Спасибо.

— Если станет хуже, сразу говорите.

Он кивнул. Она задержалась, словно хотела добавить ещё что-то, но ограничилась тем, что подвинула стакан дальше от края.

Антонина Ильинична вошла осторожно, будто в доме был покойник. Села, положила сумку на колени. Смотреть на его лицо не решалась и потому смотрела постоянно, быстрыми короткими взглядами.

— Как вы? — спросила.

Алексей ответил. Затем спросил о ней. С каждым привычным вопросом появлялась возможность спрятаться в работу.

Таблетки она принимала не совсем так, как было написано. Соседка подсказала, что одну можно убрать, если давление «не чувствуешь». Алексей повторил прежнее объяснение и услышал собственную резкость. Старуха сжала ручку сумки.

— Я ж не нарочно.

— Понимаю.

Но голос говорил другое: сколько можно. Он заметил это, остановился, посмотрел в карту. Там была его первая памятка — крупные ровные буквы, ещё не уставшие от повторения.

— Давайте ещё раз вместе, — сказал он тише.

Они разобрали назначения. Старуха кивала, не спорила. Именно покорность неожиданно разозлила: почему с теми, кто говорит громко, она спорить боится, а с бумажкой, которую врач писал сорок минут, спорит легко?

Алексей отогнал эту мысль, но ответил Антонине Ильиничне резче, чем хотел.

Вторым пришёл мужчина со спиной. Хотел справку без полноценного осмотра: ему «только подтвердить». Алексей объяснил, что подпись не выдают вместо осмотра. Мужчина вздохнул, расстегнул куртку.

— Вы чего нервный такой?

Комната на секунду стала другой. Алексей почувствовал, как потеют ладони, и с усилием оставил их на столе.

— Я задаю необходимые вопросы.

— Я ничего не говорю.

Мужчина действительно уже замолчал. Но Алексей продолжал слышать фразу, и ему приходилось отдельно удерживаться от ответа, которого пациент пока не заслужил.

К полудню он устал сильнее, чем за обычный день. Не от количества людей. Каждый вход требовал сначала проверить: безопасно ли. Каждый мужской голос с резкой интонацией заставлял следить за дверью. Прежде врач смотрел на руки пациента, чтобы понять жалобу. Теперь Алексей замечал, не сжимаются ли кулаки.

Нина Павловна позвала его в коридор. Привела к окну, спросила, нужен ли перерыв.

— У меня лицо такое?

— У вас человек перед вами. Он не виноват.

Алексей отшатнулся от этих слов, как от упрёка. Потом понял: она говорит о молодом парне, которому он минуту назад ответил слишком резко.

— Я знаю.

— Знать мало. Я тоже знаю. И всё равно иногда срываюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.